
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 16 АПРЕЛЬ 1976

Герой Социалистического Труда Н. В. Бобылев подготавливает агрегат.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (2545)

17 АПРЕЛЯ 1976

Фото А. ГОСТЕВА,
специального корреспондента «Огонька»

Сев сахарной свеклы в колхозе имени Кирова, Кореновского района.

СЕЕ

Т КУБАНЬ

ВЕРНЫМ КУРСОМ

В президиуме во время открытия XV съезда КПЧ. Телефото В. Егорова (ТАСС).

У братского чехословацкого народа большой праздник. 12 апреля в Праге начал работу XV съезд Коммунистической партии Чехословакии.

Партия чехословацких коммунистов уверенно шла к своему съезду. По всей республике широко обсуждались предсъездовские документы, подготовленные ЦК КПЧ, в которых подведены итоги выполнения решений XIV съезда партии, намечены перспективы социалистического строительства в ЧССР на предстоящие годы.

Во Дворце съездов собралось более 1200 делегатов, представляющих свыше 1 миллиона 380 тысяч чехословацких коммунистов. Об укреплении связи партии с массами свидетельствует то, что в период между XIV и XV съездами в ряды КПЧ вступило около 334 тысяч человек, 62 процента из них — рабочие.

Делегаты горячо приветствуют Генерального секретаря ЦК КПЧ товарища Густава Гусака, членов Президиума ЦК КПЧ, других руководителей партии и государства. Места в президиуме съезда занимают также глава делегации Коммунистической партии Советского Союза, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. А. П. Кириленко, руководи-

---

Кубань сеет. Первая весна новой пятилетки, высокие социалистические обязательства, взятые кубанцами в честь XXV съезда КПСС, побуждают работать без устали, с небывалым трудовым накалом.

В колхозе имени Кирова Кореновского района идет сев сахарной свеклы, ложатся в почву первые семена кукурузы. В звене Николая Васильевича Бобылева особое настроение: в марте звеньевому за выдающиеся успехи в выполнении заданий девятой пятилетки присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он принял поздравления и повысил с себя спрос. Звено отлично подготовилось к весенней страде: безотказно работают тракторы, безупречен прицепной инвентарь. Высокое мастерство показывают механизаторы, перекрывая изо дня в день нормы. Иначе и нельзя: колхоз обязался в нынешнем году собрать с гектара по 45 центнеров пшеницы, по 52 — кукурузы, 27 — подсолнечника и по 420 — сахарной свеклы.

Новая пятилетка — пора смелых экспериментов. Колхоз имени Кирова первым в крае перешел на новую организационную структуру производства — цеховую. Здесь созданы цехи во главе со специалистами полеводства и животноводства. Первые опыты показывают, что эксперимент сулит большие выгоды.

...Сев на Кубани идет быстро и организованно. В Тбилисском районе за три дня сахарной свеклой засеяно почти две с половиной тысячи гектаров; завершили сев яровых зерновых хозяйства Красноармейского района; в Усть-Лабинском районе, в колхозе «Кубань», засеяно за два дня 170 гектаров свекловичных плантаций...

Земледельцы Кубани в последнем году девятой пятилетки продали государству миллионы тонн зерна, сотни тысяч тонн овощей. А впереди новые рубежи, и Кубань по весне уверенно на них выходит.

А. ЩЕРБАКОВ

И в садах кипит работа.

тели других зарубежных делегаций, участвующих в форуме чехословацких коммунистов. Долго не смолкают бурные аплодисменты.

Единодушно утверждается повестка дня. Съезд обсудит отчетный доклад «О деятельности партии и развитии общества после XIV съезда КПЧ и дальнейшие задачи партии», отчет Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПЧ, доклад об основных направлениях экономического и социального развития ЧССР в 1976—1980 годах, изберет руководящие органы партии.

С отчетным докладом ЦК КПЧ «О деятельности партии и развитии общества после XIV съезда КПЧ и дальнейшие задачи партии» выступил Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак. Он отметил, что чехословацкие коммунисты проделали за минувшее пятилетие большую работу, направленную на выполнение программы дальнейшего всестороннего развития социализма в ЧССР. «Мы всегда исходили из принципа,— сказал товарищ Гусак,— что всестороннее развитие социалистической Чехословакии неразрывно связано с укреплением могущества и единства социалистического содружества». Товарищ Густав Гусак особо выделил историческое значение XXV съезда КПСС. Он отметил, что доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на съезде проникнут ленинским реализмом, оптимизмом, принципиальностью и высокой ответственностью за судьбы международного революционного движения и всего человечества. «Программу на предстоящие годы,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПЧ,— мы строим на прочной международной основе нерушимой дружбы и союза с СССР, на принадлежности к великой семье социалистических стран. Это — надежный фундамент».

В президиуме собрания. Выступает президент АН СССР академик А. П. Александров.
Фото А. Пушкарева (ТАСС)

К НОВЫМ СТАРТАМ ГОТОВЫ

12 апреля в Центральном театре Советской Армии состоялось собрание представителей трудящихся Москвы и воинов столичного гарнизона, посвященное Дню космонавтики.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Д. Ф. Устинов, секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, министры СССР, видные деятели науки, военачальники, космонавты, руководители партийных, советских и общественных организаций столицы, знатные производственники.

С докладом выступил президент Академии наук СССР трижды Герой Социалистического Труда А. П. Александров.

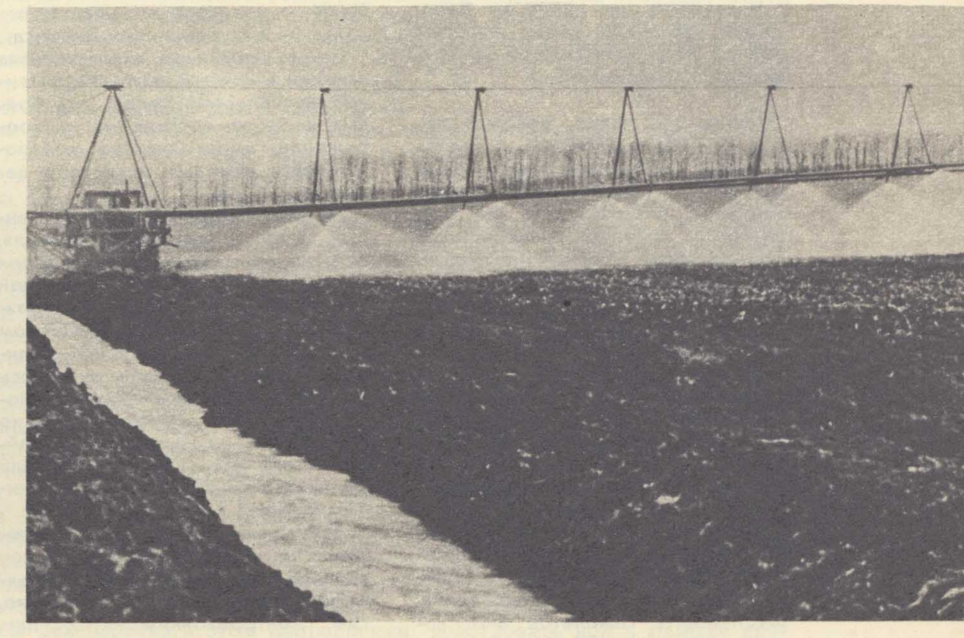
Он горячо поздравил космонавтов, ученых, инженеров с большим праздником. 15 лет назад, сказал академик, когда Юрий Гагарин впервые поднялся в космос, это событие буквально потрясло весь мир.

От имени всех летчиков-космонавтов СССР дважды Герой Советского Союза П. И. Климук выразил сердечную благодарность Коммунистической партии и ее Центральному Комитету, Советскому правительству и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу за неустанную заботу о дальнейшем развитии исследований космоса и совершенствовании космической техники в нашей стране.

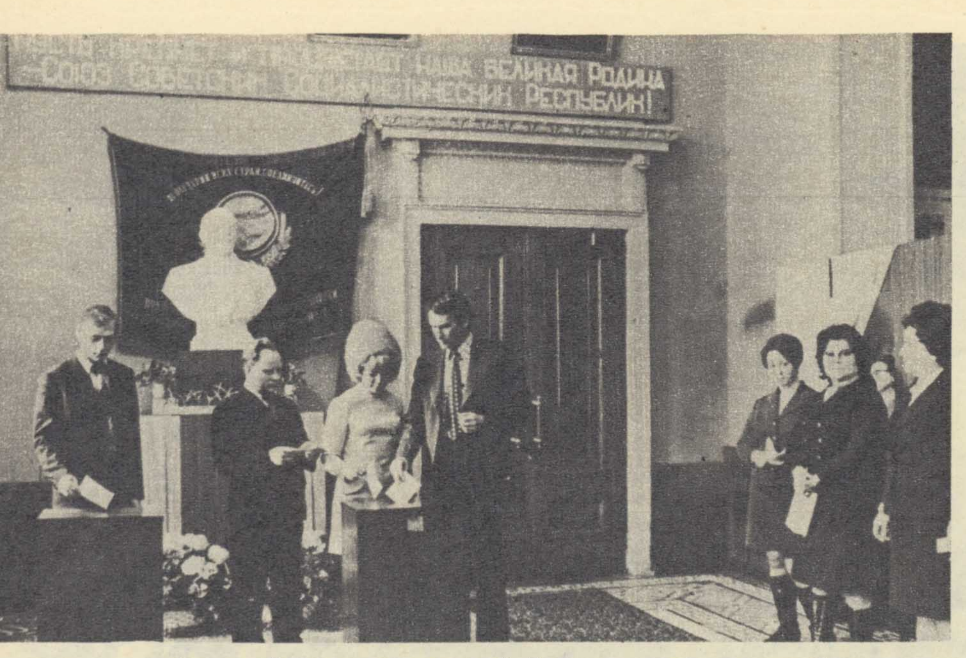
Мы, сказал в заключение он, докладываем Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству, всему нашему народу, что советские космонавты готовы к новым стартам.

Г. И. Момот — сеяльщик.

На подходе ранние овощи.

Идут выборы народных судей. Москвичи голосуют на избирательном участке № 1 Пролетарского района столицы.

Фото В. Мастюкова (ТАСС)

ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ

В минувшее воскресенье во всех республиках, городах и селах страны проходили выборы народных судей. Более девяти тысяч кандидатов в народные судьи — это достойные сыны и дочери советского народа, снискавшие глубокое уважение граждан, профессионально подготовленные, имеющие широкий жизненный опыт, это люди высоких идейно-политических и моральных качеств.

Выборы народных судей прошли при высокой политической активности избирателей, в обстановке единодушия, монолитной сплоченности вокруг Коммунистической партии. В этот день с новой силой было продемонстрировано торжество социалистической демократии.

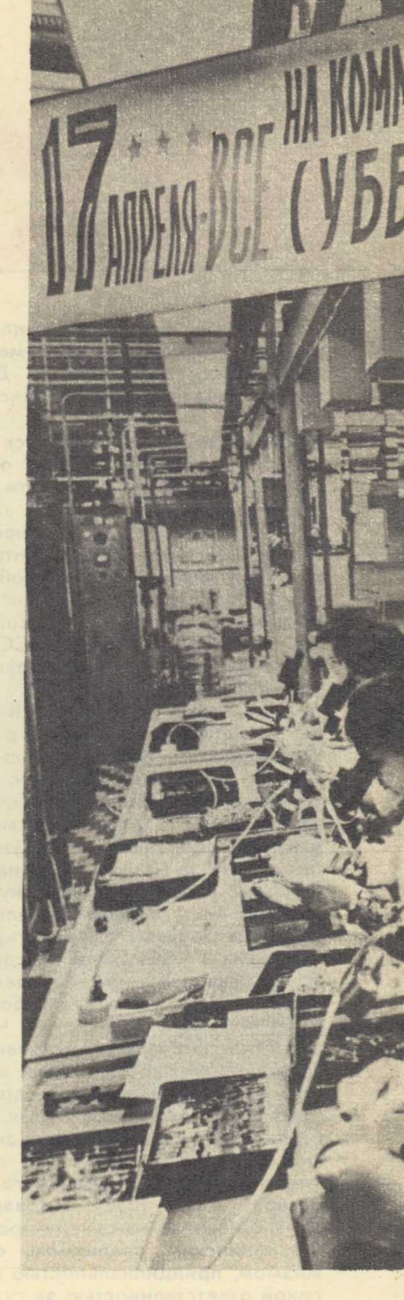
ПРАЗДНИК ТРУДА

В канун 106-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, 17 апреля, все трудящиеся страны по традиции выйдут на субботник. Готовились к нему долго, тщательно, продуманно, готовились так, чтоб день этот стал настоящим праздником труда, чтоб принес он нашему обществу славные свершения.

Многие предприятия выпустят в этот день продукции значительно больше, чем обычно. И притом высококачественной.

С большим подъемом готовились к субботнику труженики столичного объединения «МЭЛЗ». Они решили в красную субботу работать на сэкономленных материалах, сырье и энергоресурсах. Трудное задание взяли мэлзовцы на субботник: они должны произвести продукции на сотни тысяч рублей. Это кинескопы для телевизоров, радиолампы, высокоинтенсивные источники света и другие изделия — всего около 700 наименований. И вся продукция должна быть отличного качества. Кроме того, решено ознаменовать субботник наивысшей производительностью труда — на 7 процентов сверх обычной.

Такова она, величественная поступь красной субботы.

ТРИ ДНЯ ИСТОРИИ

Пятнадцать лет назад на Плая-Хирон кубинский народ одержал победу над наемниками американского империализма.

Много лет назад, впервые попав на остров Свободы, я увезла с собой небольшой пластиковый мешочек, наполненный белым морским песком. Это не был пляжный сувенир. Напечатанная типографской краской на пластике, под флагом революционной Кубы, стояла дата: «Апрель, 17 — 19, 1961 год. Плая-Хирон — первое поражение империализма в Америке».

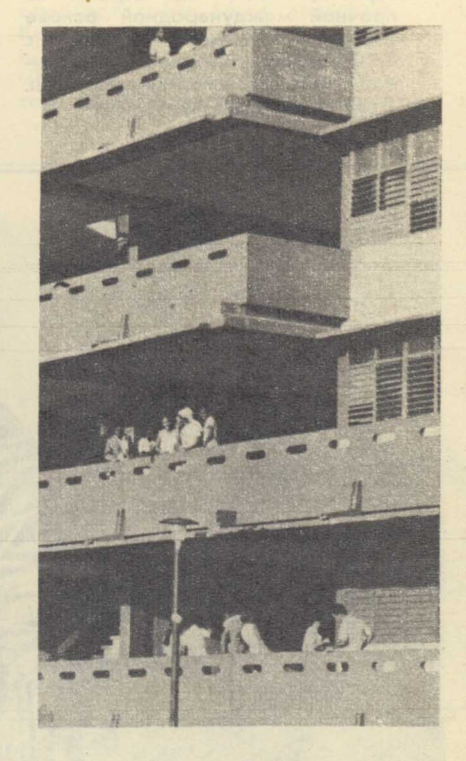
...Они все спланировали: доставили оружие для подкрепления, запаслись продуктами, точно рассчитав дни и даже часы, когда будет свергнута на этой территории революционная власть. Пять пехотных батальонов, батареи тяжелого оружия, танковая рота, батальон парашютистов, группа уничтожения подводных заграждений, шестнадцать самолетов Б-26, восемь самолетов Си-46 и шесть — Си-54 участвовали в высадке десанта на юге провинции Матансас. С моря наемников поддерживала эскадра в составе пяти вооруженных артиллерией судов, два боевых корабля, состоявших на вооружении американского военно-морского флота, и несколько десантных барж.

Но этот детально разработанный план контрреволюционеров, вступивших с рассветом 17 апреля 1961 года на землю свободной Кубы, с первых же минут был разрушен беспримерным мужеством бойцов отрядов народной милиции — «милисианос». Их оказалось на месте высадки десанта немного, и были они вооружены только винтовками, но на окрик «Сдавайтесь!» они ответили: «Родина или смерть!» — и открыли из этих винтовок огонь.

Вся страна пришла в боевую готовность. Враг был разгромлен меньше чем за 72 часа, и Плая-Хирон — небольшое местечко, где контрреволюционеры, или, как прозвал их народ, «гусанос»—

Это оружие было поспешно брошено наемниками в апреле 1961 года.

Институт технологии и электроники имени Эдуардо Гарсиа Дельгадо.

Фото из журнала «Куба» и автора

Идет сборка приборов.
Фото М. Савина

червы, были окончательно раздавлены,— навсегда вошло в историю.

«Милисианос», солдаты, крестьяне, учителя из отрядов борцов с неграмотностью, летчики вооруженных сил республики стали здесь не только свидетелями Истории, но и ее творцами.

Страна помнит героев тех незабываемых дней, она чтит их — живых и павших. Имя одного из них — Эдуардо Гарсиа Дельгадо — носит институт технологии и электроники. Этот совсем молодой вуз построен неподалеку от Гаваны. Инженер, преподаватель института Рафаэль Карбонель, который мне показал учебные аудитории, прекрасно оборудованные лаборатории и спортивную площадку, где в тот день шло соревнование по баскетболу, был ровесником милисиано, именем которого назван этот институт. Смертельно раненный Эдуардо Гарсиа успел поднять тревогу, когда враги совершили налет на аэропорт, который он охранял. Он погиб на посту и, умирая, написал на стене своей кровью: «Родина».

Полтора десятилетия миновало со дня победы на Плая-Хирон. Сегодня этот день стал Днем народной милиции, и Куба торжественно его отмечает.

Н. ЦВЕТКОВА

АЗИИ НУЖЕН МИР

Юрий ЛУГОВСКОЙ

«Чтобы рос рис, нужны вода и мир» — такой плакат был вывешен на митинге в одной из деревень индийского штата Западная Бенгалия. Митинг был организован в рамках Недели Азии, проведенной во многих странах в начале апреля по призыву Всемирного Совета Мира.

Неделя Азии служит новым подтверждением заметной активизации выступлений широкой общественности за обеспечение прочного мира и безопасности на азиатском континенте, где проживает более половины человечества. Азия не замкнута в себе, не отрешена от событий. Времена, о которых Киплинг писал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись»,— ушли в прошлое, и их не вернуть. Сейчас жизнь в Азии идет, подчиняясь тем же объективным закономерностям, той же диалектике развития международных отношений, что и повсюду на земле. Часы истории не отстают и здесь.

Вслед за Европой разрядка распространяется и на азиатский континент. И хотя местная обстановка во многом отличается от европейской, можно с уверенностью говорить о том, что этот процесс стал необратимым и там. Позитивные перемены в Азии являются не только отражением общих тенденций мировой политики, но и прямым следствием возрастания роли самих стран Азии в международных делах. В ходе национально-освободительной борьбы народы Азии приобрели большой политический опыт, и сейчас они приступили к осуществлению важных социально-экономических преобразований. Но создание основ индустрии в государственном секторе, национализация собственности иностранных монополий, проведение антифеодальных аграрных преобразований — все это требует стабильного, прочного мира.

Важным вкладом в общее дело народов Азии явился успех освободительной борьбы народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии (Камбоджи). Силы мира и свободы здесь в последнее время значительно упрочили свои позиции. Большое значение имеют конструктивные усилия стран южноазиатского субконтинента, которые пошли навстречу друг другу в деле мирного урегулирования разногласий, порожденных конфликтом 1971 года. Роль стабилизирующего фактора в этом районе сыграл и играет Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией.

Вместе с тем наблюдается развал системы военных союзов, использовавшихся империалистическими кругами для противопоставления одних азиатских народов другим. Это подтверждается совместным выступлением Таиланда и Филиппин за «свертывание» блока СЕАТО. Фактически оказался парализованным и Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК), созданный по инициативе империалистических держав. В этих условиях определенные круги Запада стремятся подтолкнуть Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на тропу военного сотрудничества. Но и этот маневр не увенчался успехом, о чем свидетельствуют итоги недавней встречи на индонезийском острове Бали руководителей Таиланда, Филиппин, Индонезии, Малайзии и Сингапура. Они подтвердили свою заинтересованность в укреплении мира в Юго-Восточной Азии. Как шаг в этом направлении можно расценить решение властей Таиланда об эвакуации ряда американских военных баз из страны. На пересмотре договора с США о военных базах настаивают и Филиппины.

Сегодня Азия вступила в такой этап своей жизни, на котором извечная мечта ее народов о свободном, независимом существовании в условиях мира становится практически осуществимым делом. Это подтверждается тем положительным резонансом, который вызвала идея обеспечения безопасности в Азии коллективными усилиями всех заинтересованных стран. Возможность ее осуществления подсказана практикой жизни, логикой развития событий.

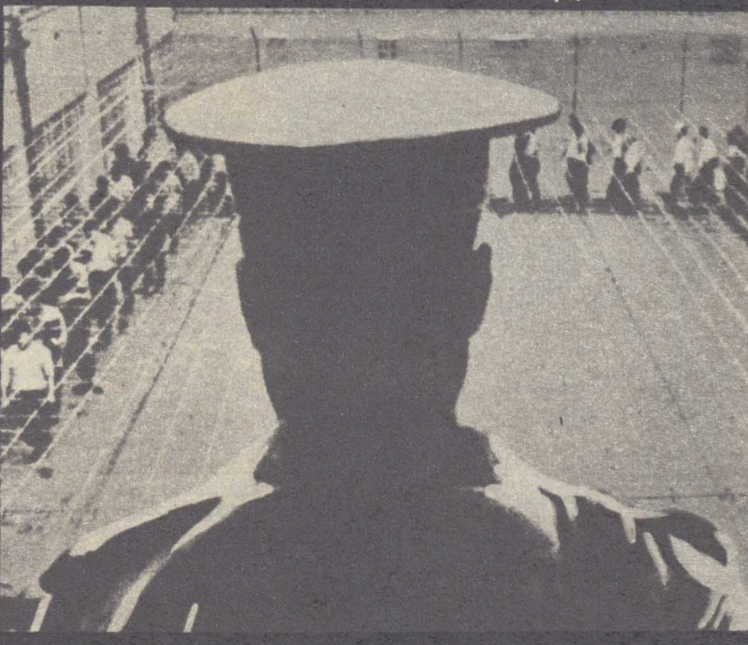
Однако на пути к прочному миру в Азии имеется еще немало препятствий, создаваемых империалистическими кругами и часто блокирующимися с ними маоистами. Все понимают, что перемирие на Ближнем Востоке не может быть прочным, пока Израиль продолжает оккупировать захваченные у арабов земли. Провозглашение американскими стратегами новой «тихоокеанской доктрины» подтверждает, что и на востоке Азии определенные круги Запада не отказались от ставки на силу как на орудие своей внешней политики. Они пытаются доказать, что без сохранения и даже наращивания военного присутствия Пентагона будет нарушен некий «баланс сил», на котором будто бы держится мир в Азии. Пентагон пытается развернуть свои боевые порядки на «запасных» позициях, беря на вооружение так называемую островную стратегию. Командование США строит крупный военный комплекс на острове Диего-Гарсия, что вызывает глубокое беспокойство и озабоченность стран, находящихся в бассейне Индийского океана. Понимая опасный характер таких милитаристских приготовлений, общественность стран Азии решительно протестует против них, выступает за превращение Индийского океана в зону мира.

Со своей стороны, Советский Союз хорошо понимает насущные интересы народов стран Азии, проявляет готовность и впредь крепить с ними сотрудничество во имя обеспечения мира и безопасности. С трибуны XXV съезда КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев заявил: «Советский Союз намерен и впредь активно участвовать в поисках путей к укреплению мира и безопасности на азиатском континенте, к развитию и здесь равноправного сотрудничества. Мы будем действовать в этом направлении, действовать как в рамках двусторонних контактов, так и на многосторонней основе».

Этот арабский юноша арестован за то, что протестовал против израильской оккупации.

Одна из израильских тюрем, в которых томятся тысячи палестинских борцов.

Расправа с участником демонстрации.

Фото ЮПИ — ТАСС и газеты «Багдад обсервер».

В. ДУНАЕВ

БОРЬБА ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Обстановка на Ближнем Востоке остается по-прежнему острой и взрывоопасной. Правители Тель-Авива чинят произвол и кровавую расправу над арабским населением Израиля и оккупированных им территорий. Огнем, открытым по мирным демонстрантам 30 марта, убито 6 человек, в том числе один школьник. Более 30 раненых, более 300 арестованных — таков итог действий израильской полиции против мирной демонстрации арабов.

Новая вспышка карательных мер вызвана все усиливающимся нежеланием арабского населения подчиниться сионистским планам аннексии захваченных территорий, отказом мириться с террором, массовыми преследованиями, арестами, ущемлением гражданских и религиозных свобод.

Власти Тель-Авива, обеспокоенные размахом выступлений арабского населения на оккупированных территориях, перебросили в районы волнений тысячи солдат из отборных «штурмовых» частей армии. Улицы городов, где проживает арабское население, патрулируют усиленные армейские наряды, в ключевых местах установлены огневые точки, оснащенные пулеметами и другим тяжелым стрелковым оружием.

Бесчинства оккупантов встретили суровое осуждение в ходе дебатов в Совете Безопасности ООН, который по просьбе арабских стран рассмотрел опасную ситуацию, сложившуюся на захваченных Израилем территориях. В проекте резолюции, внесенном от имени группы неприсоединившихся стран, содержалось требование положить конец проводимой Израилем политике экспроприации и посягательств на арабские земли, созданию на них военизированных израильских поселений и другим нарушениям прав человека в отношении арабского населения.

Четырнадцать членов Совета Безопасности проголосовали за принятие этого проекта, однако его одобрению воспрепятствовали США, вновь прибегшие к праву вето и, таким образом, вновь выступившие в роли покровителей захватчиков. Более того, в это же самое время в Вашингтоне был одобрен законопроект, по которому Израилю выделяется в качестве военной и экономической помощи 2,6 миллиарда долларов. Это еще одно доказательство того, что за океаном израильские агрессоры пользуются особой поддержкой.

Политика правящих кругов Израиля привела к трагедии целого народа. Согнанные со своих родных мест, более чем полтора миллиона палестинцев вынуждены скитаться вдалеке от своей родины. Около миллиона арабов живут в условиях жестокой национальной дискрими-

нации на оккупированных территориях и обречены на бесправие и лишения.

Как пишет парижская газета «Монд», палестинцы считают, что «стали жертвой чудовищного сионистского заговора». Начиная с первых дней еврейской иммиграции в конце прошлого века, применяются все способы и средства, чтобы лишить коренных жителей — арабов их родины. До создания государства Израиль скупались земли, дома. После образования Израиля «на помощь» приходят агрессия и террор, реквизиция земель или конфискация имущества. Сотни тысяч гектаров земли, принадлежавшей палестинским арабам, были таким образом переданы израильским колонистам.

В результате шестидневной войны в 1967 году Израиль увеличил свою территорию в три с половиной раза, и первое, чем занялись оккупационные власти, едва утвердившись на захваченных землях, было массовое изгнание палестинцев с их родных мест. В результате члены многих семей оказались разлученными друг с другом — родители с детьми, братья с сестрами. Но для израильского правительства массовое изгнание палестинцев — всего-навсего «демографическая проблема», а не циничное попрание коренных прав человека и основных норм законности.

Основная группа арабского населения сосредоточена на западном берегу реки Иордан — около 600 тысяч. До 1967 года эти земли входили в состав Иордании и являлись ее лучшими и богатейшими сельскохозяйственными районами. На холмах, образующих западную границу, раскинулись оливковые рощи и виноградники. На этой территории находятся города Наблус, Рамаллах, Вифлеем и Хеврон.

Израиль создал целую цепь поселений на земле, экспроприированной у арабских крестьян. В интервью американскому журналу «Тайм» бывший министр обороны Израиля Моше Даян заявил: «Мы должны повсюду насаждать израильские поселения в долине реки Иордан без всяких ограничений».

Израильтяне аннексировали Восточный Иерусалим и говорят, что никогда не позволят снова разделить этот город. По сообщению зарубежной печати, правительство Тель-Авива рассматривает Иерусалим как неотъемлемую часть Израиля и потому облагает налогами арабскую часть населения, чем вызывает негодование у людей, которые не хотят, чтобы их деньги шли на содержание армии врагов.

Израильская администрация считает, что малейшая демократизация на оккупированных территориях подорвала бы так называемую политику «свершившихся фактов», «иудаизации», «постепенной аннексии». Поэтому палестинцам запрещено создавать политические партии, профсоюзы или культурные ассоциации.

Недовольных, оказывающих сопротивление, высылают из страны. Представители властей появляются в доме обреченного человека, как правило, в полночь. Ему дается полчаса или час на сборы. Затем неугодных властям арабов группами доставляют к реке Иордан и загоняют в воду: плывите на тот берег, иначе — пуля или удар приклада. Разумеется, официально им не предъявляют никаких обвинений, так что у них даже нет возможности защищаться.

Арабский народ Палестины, несмотря на репрессии израильских оккупационных властей, продолжает вести решительную борьбу за восстановление своих прав, изгнание сионистских захватчиков и создание суверенного палестинского государства. В этой борьбе крепнет его национальное и политическое единство, растет самосознание и уверенность в победе правого дела.

События, происходящие на оккупированных Израилем арабских землях, служат новым наглядным свидетельством расистского характера сионистской политики правителей Тель-Авива. В то же время с каждым днем растет освободительная борьба палестинских арабов, ширится популярность Организации освобождения Палестины. Нет сомнения в том, что прочный мир на Ближнем Востоке невозможен без ухода Израиля с захваченных территорий и удовлетворения законных прав арабского народа Палестины, включая право на создание национального государства.

КАК УКРАСТЬ АТОМНУЮ БОМБУ

В самом деле, как? И не только украсть, а без всякого риска просто купить по дешевке?

Это отнюдь не праздные вопросы, не фельетонный ход для лихого закручивания сюжета.

«В Нью-Йорке можно купить решительно все, что производится на земном шаре»,— сказал не без гордости один из его жителей, демонстрируя мне достопримечательности города. Потом, улыбнувшись, добавил: «Кроме атомной бомбы, конечно». Сегодня это уточнение было бы уже излишним. Об этом поведали сами американцы. Вот суть сей необычной истории.

Мы не знаем точно, во сколько обходится американским налогоплательщикам автоматическая винтовка М-16, принятая на вооружение в армии США. Нелегальные торговцы наркотиками оценивают ее в одну тысячу долларов. Именно на такую сумму отпускают они наркотиков за одну винтовку М-16. Странный на первый взгляд товарообмен, не правда ли? Но присмотримся к этой сделке повнимательнее.

«Когда один человек с винтовкой М-16 противостоит пяти полицейским с пистолетами, то его шансы предпочтительнее»,— свидетельствует со знанием дела представитель министерства обороны США. Это высказывание легко поддается расшифровке. Дело в том, что в США торговля наркотиками — четко отлаженный гангстерский бизнес, а бандитам, как известно, оружие никогда не мешает. Вот они и выменивают его за наркотики. У кого? У тех военнослужащих, которые имеют доступ в арсеналы. И это только один канал, по которому вооружение и боеприпасы попадают в руки гангстеров и различных террористических групп. Причем не только винтовки и патроны к ним. «С американских военных баз воруют тысячи единиц вооружения, несмотря на то, что система их охраны становится все более эффективной. С этих баз исчезают винтовки, пистолеты, минометы и даже ракеты «земля — воздух», а также противотанковые ракеты»,— свидетельствует журнал деловой Америки «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт».

Недавно в городе Окленде (штат Калифорния) на улице был обнаружен крупнокалиберный снаряд, к нему была приклеена записка, автор которой объявлял, что снаряд украден из близлежащего арсенала, и объяснял, зачем он это сделал. Оказывается, для того, чтобы доказать, как легко выкрасть боеприпасы.

Конгрессмен Эдвард Геберт внес запрос о том, что Пентагон скрывает недавний факт пропажи 450 (!!!) пулеметов. В прошлом году одних только винтовок М-16 пропало 1034 штуки. У специалистов эта официальная цифра вызывает большие сомнения. Ее считают явно заниженной. Ведь только сухопутные войска США имеют более 19 тысяч складов для вооружения и боеприпасов. Девятнадцать тысяч потенциальных источников для нелегальной продажи и воровства оружия!

Журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» пишет: «Не исключено, что преступные элементы смогут нелегально добыть не только еще более современное оружие, но даже в конце концов и атомную бомбу. Тысячи таких бомб, самой разной мощности, хранятся на американских базах, причем не только в самих США».

Это высказанное в эпическом тоне предупреждение трудно читать, оставаясь эпически спокойным. Даже такой закаленный человек, как представитель американского министерства обороны Джозеф Лейблинг, отвечающий в Пентагоне за вопросы безопасности, не без эмоций утверждает: «Пропажа даже одной единицы ядерного оружия была бы катастрофой». Вот уже в течение тридцати пяти лет мистер Лейблинг занимается своим нелегким делом в Пентагоне, и, опираясь на столь солидный опыт, он печально констатирует: «Невозможно прекратить воровство оружия и боеприпасов. Мы можем только надеяться, что масштабы воровства постепенно будут сокращаться».

Слабая надежда! Едва ли она может послужить утешением для тех, кто обеспокоен ростом ядерного арсенала, гонкой вооружений. До последнего времени все нормальные люди выступали против возможной ядерной войны. Сегодня, оказывается, надо опасаться еще и того, чтобы какой-нибудь американский армейский наркоман не продал атомную бомбу преступникам.

В. НИКОЛАЕВ

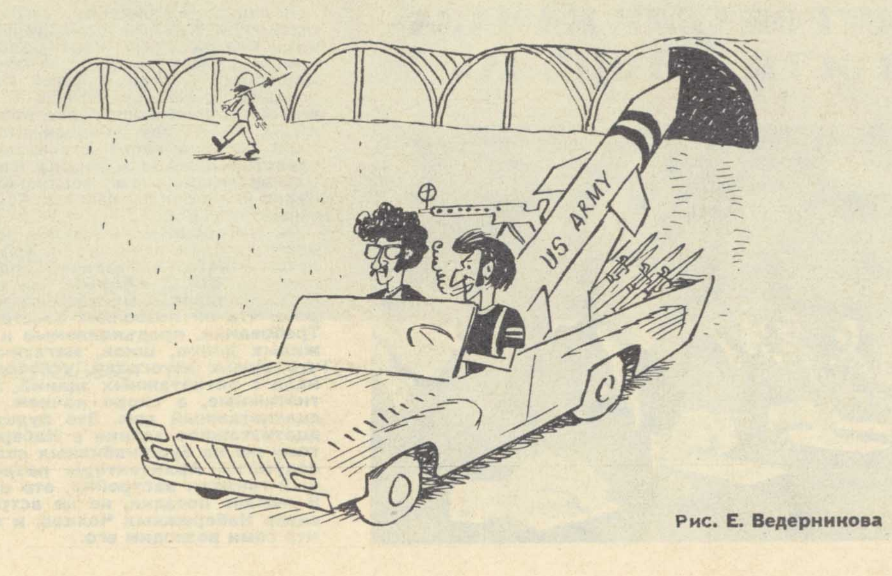

Рис. Е. Ведерникова

Александр Васильевич ГЕОРГИЕВ

9 апреля 1976 года на 62-м году жизни скоропостижно скончался член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Алтайского крайкома партии, Герой Социалистического Труда Александр Васильевич Георгиев.

А. В. Георгиев родился в 1914 году в селе Ромны Новоукраинского района Кировоградской области в семье учителя. Трудовую деятельность он начал в 1932 году. После окончания Ореховского сельскохозяйственного техникума А. В. Георгиев был направлен на работу в Западную Сибирь — Алтайский край, где и прошла вся его сознательная жизнь. Здесь он работал участковым агрономом, агрономом-семеноводом МТС, главным агрономом районного земельного отдела. В 1943 году А. В. Георгиев был выдвинут председателем исполкома Ключевского районного Совета депутатов трудящихся, а затем — в аппарат краевого комитета партии. В 1956 году он избирается секретарем, а в 1957 году — вторым секретарем Алтайского крайкома КПСС. С 1961 года А. В. Георгиев работал первым секретарем краевого комитета партии. На этом посту во всей полноте проявились его большие организаторские способности, трудолюбие, инициатива и принципиальность.

Возглавляя краевую партийную организацию, А. В. Георгиев с высокой ответственностью относился к порученному делу, с присущей ему энергией и настойчивостью проводил большую и разностороннюю работу по мобилизации коммунистов, всех трудящихся края на решение задач коммунистического строительства. Он внес большой вклад в развитие сельского хозяйства края. Именно в эти годы Алтай превратился в одну из крупнейших житниц на востоке нашей страны. В крае проведена большая работа по развитию промышленности, транспорта, капитального строительства.

Высокие нравственные качества, отличавшие А. В. Георгиева как коммуниста-руководителя, — чуткость, отзывчивость, внимательное отношение к людям снискали к нему глубокое уважение коммунистов, всех трудящихся края.

А. В. Георгиев на XXII, XXIII, XXIV и XXV съездах Коммунистической партии Советского Союза избирался членом Центрального Комитета КПСС. Он был депутатом Верховного Совета СССР VI, VII, VIII и IX созывов, избирался депутатом Верховного Совета РСФСР.

За большие заслуги перед партией и государством ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, он награжден пятью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета» и многими медалями.

Всю свою жизнь А. В. Георгиев до конца отдал беззаветному служению Родине, великому делу Коммунистической партии.

Светлая память об Александре Васильевиче Георгиеве навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Г. Ф. Сизов, Н. Ф. Аксенов, В. Н. Раевский, В. И. Овчинников, А. Н. Невский, В. Т. Мищенко, А. М. Фоминых, А. З. Голубков, В. Н. Мошков, Н. С. Лазебный, М. М. Сидоров, П. П. Бородулин, И. В. Ярошенко, М. С. Андрианов, А. В. Жуганов, И. Я. Шумаков.

ЗАРУБЕЖНЫМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

«Голос Родины» получают наши соотечественники во многих странах мира. Только что вышел двухтысячный номер газеты. А с тех пор, как она увидела свет впервые, прошел двадцать один год. Ее читают люди, покинувшие родную землю десятки лет назад, и совсем молодые, для кого Родина матерей, отцов, далеких предков известна лишь по рассказам, книгам, кинофильмам и журнальным статьям.

Что может быть тяжелее для человека, чем тоска по отчей земле? И газета как бы приближает к зарубежным соотечественникам такую желанную и такую далекую от них Родину.

Само появление этого издания, говорится в редакционной статье юбилейного, двухтысячного номера, свидетельствует «о том, что Родина не забыла своих сынов и дочерей, живущих за рубежом, тех, кто остался верен Отчизне».

За два десятилетия газета как бы протянула духовные нити между читателями и нашей страной, стала своеобразным культурным центром для патриотов Отечества за рубежом.

«Голос Родины» дает им возможность узнавать обо всем, что происходит в Советской стране, не из буржуазных и антисоветских изданий, стремящихся всячески извратить действительное положение дел, а непосредственно от тех, кто строит в СССР самое справедливое на планете коммунистическое общество. И читатели благодарны газете, ставшей для них истинным другом.

«Газета помогает нам забыть горечь разлуки с Отчизной, вселяет уверенность и является для нас лучом надежды на лучшее будущее»,— пишет в редакцию Е. Кузьмина из Голландии. «Больше двух десятилетий газета с нами, в нашей жизни, в нашем доме,— сообщает Иван Трофимов из США,— и в дни огорчений и в дни радостей... Спасибо тебе, «Голос Родины», за то, что ты есть! Здравствуй еще многие лета!»

Так говорят те, кому на чужбине голос Отчизны необходим так же, как хлеб насущный. На всех континентах мира звучит он, донося до зарубежных соотечественников правду о том, как живет и трудится великая Советская страна — их Родина.

СТРОИТЕЛИ КАМАЗА — ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Недавно в редакции «Огонька» побывали строители КамАЗа, бригадиры депутат Верховного Совета СССР Раис Салахов и Борис Курамшин, монтажники Анатолий Бердников, Александр Глухов и Юрий Доценко. Право на поездку в Москву вместе с призом журнала они завоевали в конкурсе коллективов, работающих по методу хозрасчетного подряда.

На встрече гости рассказали о ходе строительства КамАЗа и города Набережные Челны. На автомобильном комплексе продолжаются пуско-наладочные работы, бурно растет и развивается город.

— Интенсивность та же, что и на финише девятой пятилетки, но к ней прибавилась ответственнейшая задача, поставленная XXV съездом КПСС,— борьба за качество,— сказал Р. С. Салахов.— Бригадный подряд тем и хорош, что он позволяет сочетать и то и другое. Требования, предъявляемые к нам, строителям жилых домов, школ, магазинов и всего того, что нужно автограду, усложняются. Мы начинали с пятиэтажных зданий, перешли на девятиэтажные, а скоро начнем строить шестнадцатиэтажный дом. Это будет первое шестнадцатиэтажное здание в Набережных Челнах, к тому же на буро-набивных сваях! Есть над чем подумать! Архитекторы разработали прекрасный генплан застройки, это видно уже сейчас. Я немало поездил, но не встречал города красивее Набережных Челнов, и мы гордимся тем, что сами возводим его.

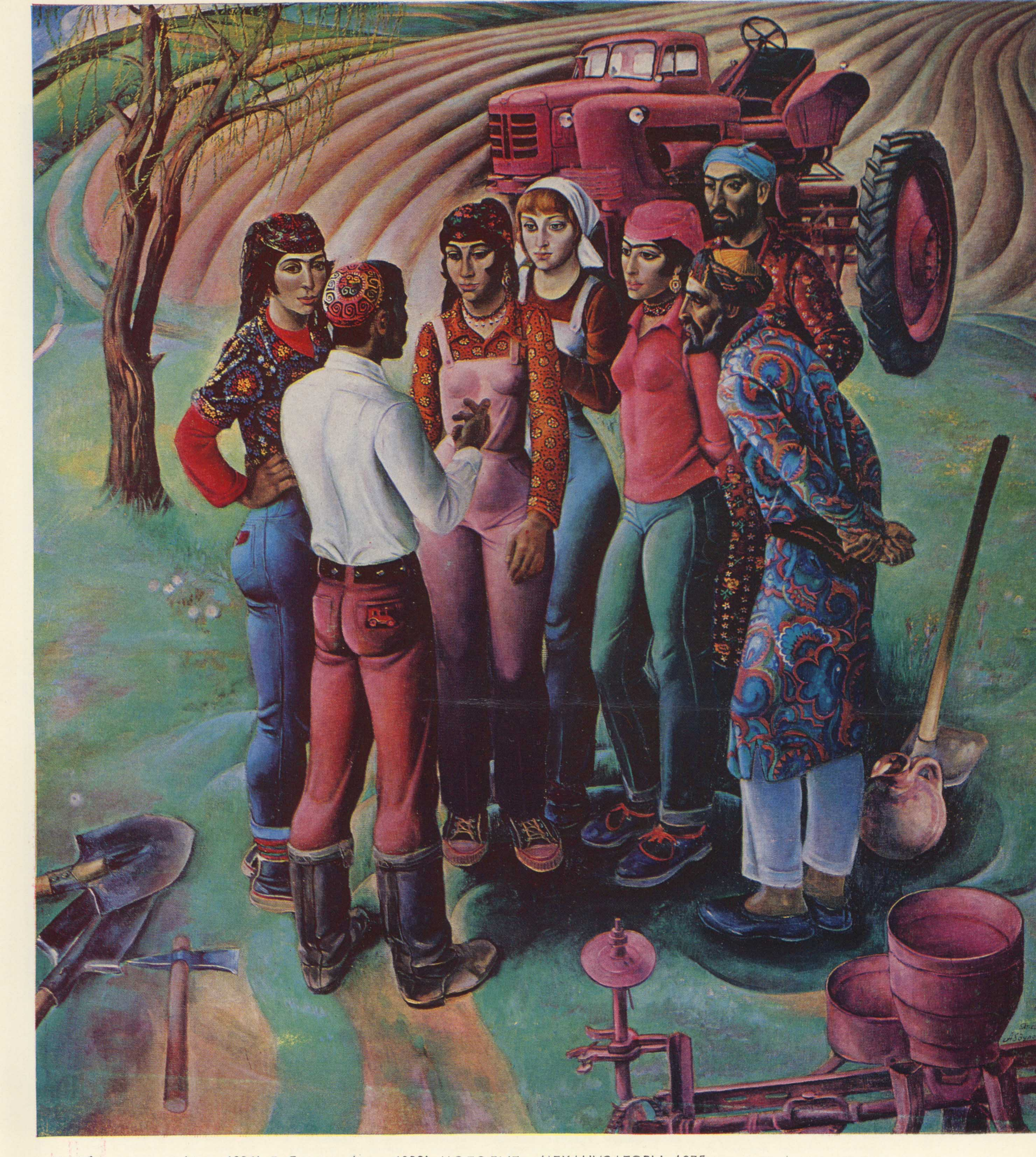
Обладатели приза «Огонька» побывали в Зеленограде, на строительной площадке девятого микрорайона, у Героя Социалистического Труда Н. А. Злобина. В работе камазовцев и Н. Злобина, естественно, много общего. Однако есть и свои особенности. Различная, например, технология работ: Салахов монтирует дом из панелей, Злобин — из блоков. Иной и состав бригад: у Злобина — штукатуры на субподряде, у Салахова — непосредственно в его потоке.

— Правильно вы сделали, что приняли в свой коллектив штукатуров,— сказал Н. А. Злобин.— Сейчас все идет к тому, чтобы в бригаде, потоке была комплексность. Вопрос упирается у нас в материально-техническое обеспечение. А вообще вы все там в Челнах молодцы — такой город подняли за одну пятилетку!

— Приезжайте к нам! — пригласили камазовцы.— За те два года, что вы не были у нас, произошли большие изменения, увидите много нового.

Гости из Набережных Челнов посетили музеи и театры столицы.

Н а с н и м к е: камазовцы в редакции (с л е в а н а п р а в о): Юрий Доценко, Александр Глухов, Борис Курамшин, Раис Салахов, Анатолий Бердников.

М. Абдурахманов (род. 1934), Г. Яралова (род. 1938). МОЛОДЫЕ МЕХАНИЗАТОРЫ. 1975.

К. Добрайс (род. 1943). ГАЗОПРОВОД «АЗИЯ—ЦЕНТР». 1975.

Читатели рассказывают

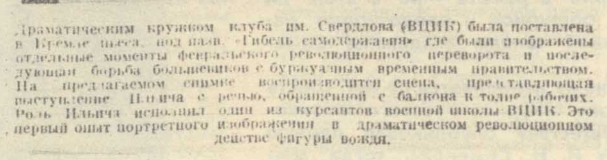
ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ О ВОЖДЕ

Ильич в сценическом изображении

Фот. Отто Шмидта.

Драматическим кружком клуба им. Свердлова (ВЦИК) была поставлена в Кремле пьеса, под назв. «Гибель самодержавия» где были изображены отдельные моменты февральского революционного переворота и последующая борьба большевиков с буржуазным временным правительством. На предлагаемом снимке воспроизводится сцена, представляющая выступление Ильича с речью, обращенной с балкона к толпе рабочих. Роль Ильича исполнил один из курсантов военной школы ВЦИК. Это первый опыт портретного изображения в драматическом революционном действе фигуры вождя.

Как-то, просматривая комплекты журнала «Огонек», в номере 13 за 1924 год я натолкнулся на фото. В краткой подписи к фотографии было сказано, что драмкружок клуба имени Свердлова в Кремле поставил пьесу «Гибель самодержавия», посвященную февральскому перевороту и борьбе большевиков против Временного правительства. В числе действующих лиц, в исполнении одного из кремлевских курсантов,— Владимир Ильич. Еще в подписи было указано, что это первый опыт изображения фигуры вождя в драматургическом революционном действии.

Этот факт я использовал в своей книге «Вечный пример», вышедшей в 1963 году в издательстве «Молодая гвардия». А недавно я получил любопытное письмо. Автор его писал:

«Я бывший кремлевский курсант. Вероятно, именно поэтому ко мне обратились пионеры, прочитав следующие строки из Вашей книги:

«Принято считать, что первые сценические портреты Ленина появились в советском театре к 20-летию Октября. Это правильно по отношению к профессиональному театру. Вообще же небезынтересно отметить, что впервые Владимир Ильич был выведен в пьесе «Гибель самодержавия», сыгранной драматическим коллективом военной школы Кремля в марте 1924 года, и исполнял его роль кремлевский курсант».

Ребята спросили меня: кто этот курсант, как его фамилия? В этом спектакле я тоже участвовал, но имени исполнителя роли В. И. Ленина, к великому сожалению, не запомнил.

Может быть, Вы, как автор, назовете этого курсанта?

Я обещал пионерам ответить на их вопрос. Помогите мне.

Ефремов Андрей Тимофеевич.
г. Уфа».

Это письмо взволновало меня. Оказывается, давным-давно разошедшаяся моя книжка о последних годах Владимира Ильича находит новых читателей.

Но рассказать уфимским следопытам подробнее, чем в книжном абзаце, я, автор публикации, тоже не могу.

Должен сказать, что около сорока лет причастен, как публицист, к советской истории Московского Кремля. Мне довелось в разные годы познакомиться с замечательными людьми — с теми, кому выпало счастье близко знать Владимира Ильича, работать с ним, выполнять его поручения — с В. Д. Бонч-Бруевичем, Л. А. Фотиевой, П. Д. Мальковым и другими. Я осаждал их множеством вопросов, в том числе и о подробностях этого спектакля. Мне старались помочь. Однако фамилии курсанта никто не помнил.

Я знаю, что ныне здравствуют не только Ефремов, но и многие из кремлевской военной революционной гвардии. Вполне вероятно, что живы-здоровы участники и того уникального спектакля. Вдруг отзовется и тот бывший курсант, имя которого так хотелось бы установить.

Может быть, в поиск включатся театроведы, знатоки нашего самодеятельного творчества.

Установить фамилию, узнать жизненный путь исполнителя роли Владимира Ильича было бы интересно для многих.

А. ЛОГИНОВ

Москва.

СЕСТРА КОМИССАРА КРИВОШЛЫКОВА

Мне хотелось бы рассказать читателям «Огонька» о замечательной женщине, коммунистке Н. В. Кривошлыковой, сестре легендарного комиссара М. В. Кривошлыкова. Ее судьба, судьба простой казачьей девчонки, удивительна и интересна.

Годы гражданской войны. Трудно они сложились для бедной семьи Кривошлыковых. Брат Михаил, убежденный революционер, был казнен. Вооруженные белоказаки не раз врывались в их дом с обысками, выводили всех во двор и часами их держали под ружейным прицелом. Несмотря на смертельную опасность, Наташа твердо решает пойти по стопам брата. В пятнадцать лет она становится бойцом Красной Армии. Ей поручают ответственное дело — быть политкурьером при особом отделе штаба Южного фронта.

В июне 1919 года части Красной Армии под напором деникинцев оставили Донскую область. Шли напряженные, кровопролитные бои. Стройная девушка в обычных казачьих чириках, в простом деревенском платочке не раз переносила секретные документы через линию фронта. В октябре Красная Армия погнала деникинцев. Они отступили на юг. Вернулась на родной Дон и Наташа, стала учиться в школе. Но в Вешенской было неспокойно. В лесах скрывались банды Фомина. И комсомолка Кривошлыкова становится бойцом ЧОНа.

«Все было так,— вспоминает Наталья Васильевна,— как писал в автобиографии М. А. Шолохов, мы гонялись за бандами, и банды гонялись за нами. Падали сраженные бандитскими пулями наши боевые друзья и товарищи. Разве можно забыть гибель весельчака отряда 15-летнего Феди Мотылькова или Андрюши Климова? Тяжелое было время, тревожное, но мы закалялись в борьбе».

Но вот отгремели последние бои, победила революция. Советская страна приступила к мирному труду. Н. Кривошлыкова по путевке комсомола едет учиться на рабфак. Юноши и девушки, не успевшие снять солдатских шинелей, занимались настойчиво и упорно. Как и в бою, Наташа была в числе первых.

В годы учебы она встретила и полюбила Гришу Маринина, будущего инженера, ставшего ее мужем. Позже в анкете Наталья Васильевна напишет: «Муж, коммунист, офицер, погиб в 1941 году, под Вязьмой».

А до войны был пединститут, работа литературным сотрудником в газете «Колхозная правда» в Ростове-на-Дону.

На многие трудные участки направляла партия коммунистов Н. Кривошлыкову и Г. Маринина, и везде они работали самозабвенно, с полной отдачей сил и знаний.

...Война! Вместе с заводом, где она работала тогда, Н. Кривошлыкова эвакуируется в Баку. Вскоре ее назначают начальником ОРСа. Наталья Васильевна рассказывает: «Завод должны были эвакуировать в Москву, продовольственные карточки тоже надо было перевозить. А пока работники ОРСа спали на больших рулонах продовольственных карточек... и теряли сознание от голода».

В 1943 году Ростовский обком КПСС направляет Кривошлыкову уполномоченным Министерства заготовок по Боковскому району. И на этом посту в невероятно трудных условиях, в районе, разоренном фашистами, она проявила себя инициативным и способным организатором. Орден Отечественной войны I степени — заслуженная награда коммунистки Кривошлыковой.

Сейчас Наталья Васильевна на пенсии, но о спокойной жизни пока и слышать не хочет. Двери ее квартиры всегда открыты для тех, кто нуждается в помощи, добром совете и просто ласковом слове. Кому-то не дали обещанную квартиру, где-то хотели вырубить молодую рощицу, по чьей-то вине свершилась несправедливость — до всего есть дело коммунистке Наталье Васильевне Кривошлыковой.

А. СВЯТОГОРОВА

Волгоград.

АКАДЕМИКУ
Н. Н. СЕМЕНОВУ —
80 ЛЕТ.

Это было более полувека назад, вскоре после окончания гражданской войны. Помогая своему учителю академику А. Ф. Иоффе в труднейших условиях налаживать Физико-технический институт, из тех, что были созданы по инициативе Владимира Ильича Ленина, Николай Семенов написал своему другу Петру Капице, что главное, о чем они должны думать сейчас,— это воспитать новое поколение ученых, которое создаст в Советской России подлинную науку, «живую, полную открытий и изобретений». Он был стопроцентно искренен в таком своем желании и провозглашенную тогда готовность служить советской науке с успехом претворил в жизнь.

Далеко за пределами Института химической физики, которым он руководит сегодня, известно: Семенов может без отдыха дни и ночи напролет обсуждать научные проблемы с молодежью. Коллективность, взаимная поддержка и доверие в работе — не в этом ли основа успехов обширной и плодотворно работающей научной школы академика Семенова!

В эти дни ученому исполняется 80 лет. Шесть десятилетий назад «Журнал Русского Физико-химического общества» опубликовал первую научную работу Н. Н. Семенова, тогда двадцатилетнего студента. С именем ученого связаны революционные открытия и исследования в химической физике, возникшей на базе применения новой физики XX века к проблемам химии. Наибольшие достижения были получены ученым в становлении современной теории горения и взрывов и в теории цепных реакций. В частности, по цепному пути развиваются важные для промышленности процессы окисления, хлорирования, фторирования, крекинг нефти, полимеризация. Теория, созданная Семеновым, позволила понять, как действуют ускорители реакций, помогла раскрыть механизм многих биологических явлений. Представления о лавинообразно разветвляющихся «цепях» сыграли заметную роль и в становлении ядерной физики; не случайно, что первые расчеты цепного распада урана были выполнены учениками Н. Н. Семенова.

В классической науке всегда изучались конечные продукты химических реакций, тогда как то, что происходит с веществами в «пути», как правило, оставалось незамеченным. Однако на ход химического превращения активно влияют многие промежуточные, не доживающие до конечного «пункта» вещества. Чтобы выделить эти короткоживущие вещества, химикам пришлось перейти на принципиально иной уровень исследований — углубиться в физику явлений. Это позволило детально, шаг за шагом проследить за течением реакций и приступить к поискам наилучших, оптимальных для них условий — «управлять» их ходом. Такая «управляемая» технология повлекла за собой подлинную революцию в химическом производстве. Над этими важнейшими вопросами науки работает ученый и сегодня.

Редакция попросила Николая Николаевича Семенова поделиться своими мыслями о том, каким видится ему настоящий советский ученый, о становлении и воспитании молодежи в науке.

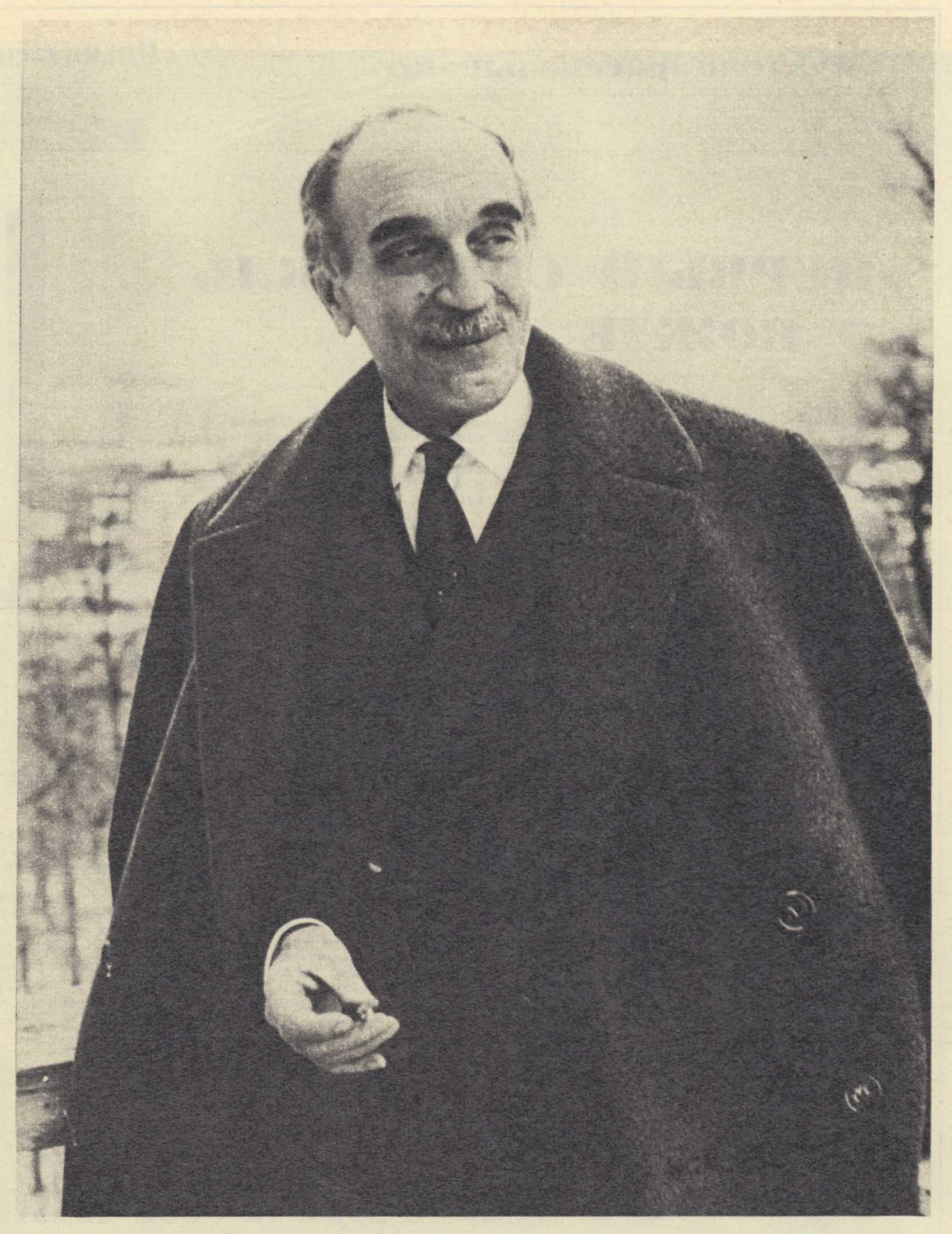

Фото Дм. Бальтерманца.

СЛОВО К М

Академик
Н. Н. СЕМЕНОВ,
Герой
Социалистического
Труда,
лауреат
Государственной
и Нобелевской
премий

Советский ученый... Это прежде всего человек, который все силы ума и чувств отдает науке и через нее служению народу. Это гражданин своей страны. Я прожил большую жизнь и смело могу сказать: работать надо не ради славы, не ради карьеры, а для того, чтобы создавать научные ценности, приносить пользу обществу, и тогда широкое общественное признание придет само собой. И еще надо не быть индивидуалистом, развивать общественные начала в научной работе. Не скрывать от других своих идей. Быть глубоко принципиальным и честным при обсуждении своих и чужих работ. Быть человеком идейно убежденным, иметь перед собой всегда главную цель: своим личным вкладом ускорить построение коммунистического общества.

Такой ученый радуется не только своим ус-

пехам, но и успехам других исследователей, которые работают над решением тех же задач, что и он сам,— независимо от личных симпатий и антипатий. Он ценит талант в учениках, развивает в них инициативу и стремление к самостоятельности, никогда не превращая их в подсобную силу для своих личных работ. Он никогда не вставит свою фамилию в патенты и статьи учеников, если не принимал в работе непосредственного участия, а дал лишь общие направления.

Теперь я еще больше убедился в том, что научное руководство никогда не должно доходить до того, чтобы вести молодежь за руку. Я отверг навсегда такой метод еще в те времена, когда был старше своих молодых учеников всего на пять-шесть лет. И никогда в жизни не жалел об этом. Мы должны воспитывать не только инициативных людей, но смелый творческий коллектив молодых ученых, которые умели бы открыто и определенно высказывать свое мнение и чутко прислушиваться к критике старших и даже младших коллег. В таком коллективе молодые учатся у руководителя, но и руководитель учится у молодых, создается прекрасная атмосфера совместного творчества, которая доставляет ни с чем не сравнимую, огромную радость.

Наряду с коллективизмом в нашей лаборатории была почти полная самостоятельность, научная инициатива каждого. Необходимо, чтобы молодежь до многого доходила сама, изыскивая свои, пусть еще не лучшие, но самостоятельные решения. После первых, неуверенных шагов это дает возможность почувствовать свою силу, способность хотя с трудом, но уже самостоятельно шагать в науке.

Наш долг — давать молодежи задачи не с очевидным ответом, не навязывать своих «безоговорочных» суждений и путей решения и требовать, чтобы результаты строго соответствовали точке зрения руководителя, и никакой другой. Мы обязаны помогать, критиковать, но не диктовать. И еще надо помнить, что ни чины, ни возраст, ни научные заслуги, по существу, не имеют особого значения в научном общении с учениками, как бы молоды они ни были. Мы должны говорить с ними, как равный с равными. В свете факела истины важны лишь научные аргументы.

Вспоминаю случай, когда 16-летний лаборант после сообщения очень талантливого заведующего лабораторией выступил на ученом совете с мнением, что полученные экспериментальные результаты неправильно интерпретируются докладчиком, и дал свою интерпретацию. Всем нам сначала показалось, что лаборант ошибся. Но в ходе дискуссии постепенно выяснилось, что он прав. Этот случай никого не обидел, в том числе и докладчика, заведовавшего как раз той лабораторией, где работал будущий академик Я. Б. Зельдович. Наоборот, между ними установились прочные дружеские взаимоотношения.

Молодые исследователи тоже со временем перестанут быть «молодыми», будут заведующими лабораториями и директорами институтов. Поэтому и для них хочу сказать, что настоящий ученый должен понимать, что интересы развития его собственной школы заключаются в расширении и видоизменении заложенных в ней идей под действием инициативного творчества молодых сотрудников. Если же требовать от них лишь слепого исполнения задуманных работ, если воспитывать их в узком кругу своих представлений, то талант молодого ученого будет тускнеть, он постепенно станет эпигоном. При этом первоначально прогрессивная школа самого руководителя неизбежно превратится в стоячее болото и умрет либо еще при жизни, либо тотчас после смерти ее основоположника. У него не будет творческих наследников.

Конечно, надо давать правильное направление в работе. Совет старшего очень важен. Однако с самого начала молодежь нужно, с одной стороны, приучать к смелости, вырабатывать закалку пионеров науки, а с другой — к коллективизму, к уважению мнения товарищей. Очень важно, чтобы молодой исследователь начал ощущать область, в разработке которой заинтересован руководитель, как свою творческую область. И вы знаете, что является высшим триумфом учителя? Это когда ученик забывает о данном ему начальном толчке и считает разрабатываемый им участок науки своим. Учитель всегда радуется, если ученик превосходит его...

Как рациональнее готовить кадры ученых? Ведь вопрос об отборе и воспитании был и остается центральным для развития науки, да я бы сказал шире: для технического прогресса. Думаю, что для работы в научных институтах следует отбирать наиболее способных к научной деятельности студентов, принимая их в качестве стажеров. Под стажерами мы понимаем молодых специалистов, которые в течение двух-трех лет работают в институте на должности младшего научного сотрудника. После этого 20—30 процентов самых способных из них могут быть оставлены в институте, а остальные распределяются в отраслевые институты и заводские лаборатории.

Вернусь опять ко времени моей молодости, к Физико-техническому институту. Важнейшей задачей в те годы было как можно скорее создать кадры ученых, способных руководить научными коллективами. Вчерашние студенты быстро вырастали в крупных ученых. Так, В. Н. Кондратьев, ныне академик, окончил вуз с дипломной работой, известной всем физхимикам: им впервые был применен масс-спектрограф для изучения химических реакций. Из работников лаборатории 8 впоследствии стали академиками, 8 — членами-корреспондентами, буквально сотни — профессорами. Мне было всего 24 года, когда я получил лабораторию, а уже через 10 лет пятьдесят моих учеников, которые начали работать студентами, выросли в квалифицированных ученых.

Творческая работа считалась у нас главным в образовании, иногда даже более важным, чем сдача экзаменов. Мы стремились создать студентам все условия для получения необходимых знаний, однако без мешающего творческой работе «забивания головы».

Развитие науки происходит столь быстро, что общий объем знаний по каждой дисциплине увеличивается, скажем, вдвое за несколько десятков лет. Одновременно идет процесс быстрого взаимного проникновения наук. Невозможно обеспечить студента всем комплексом знаний, необходимых современному исследователю. Даже если бы это и было возможно, мы превратили бы мозг молодого человека в какую-то кладовую, сплошь забитую пассивными знаниями, и, таким образом, начисто ликвидировали в нем всякую творческую активность.

Основным путем высшего образования для будущих научных работников и инженеров-исследователей я считаю путь самостоятельной научно-исследовательской работы и связанного с ней самообразования. Этот путь я назвал бы путем познания общего через частное. Творчески работая над частным исследованием, студент неизбежно соприкасается с общими проблемами науки, усваивает методику современного научного исследования. Приобретаемые при этом знания будут носить не пассивный, а максимально активный характер.

Изыскивая наилучшие способы исследования, студент неизбежно начнет изучать те разделы науки, которые необходимы для решения задачи. Придется много читать. Он принужден будет вникать в различные современные методы исследования, знакомиться с новейшими приборами. Он должен будет создавать свои установки, и для этого ему придется расширить знания в области материалов и конструирования. В ходе анализа результатов понадобятся сложные расчеты, и он познакомится с электронно-вычислительными машинами и способами программирования. На последних этапах студенту захочется осознать место своего частного исследования в общем развитии науки или техники...

Вот и получится, что через свое частное исследование студент поднимется до общих проблем научно-технического прогресса. Через этот частный опыт он приобретет навыки собственными силами решать проблемы, самостоятельно изучать необходимые в ходе этих будущих работ разделы науки. Так, например, обстоит дело в Физико-техническом институте, что на станции Долгопрудная. Студенты уже с 3-го курса связаны с исследовательскими институтами и последние два года фактически работают там.

Такой дипломник войдет в жизнь вооруженным и смелым, уверенным в своих силах естествоиспытателем и сразу займет в лаборатории место исследователя, а не ученика.

Конечно, в поисках нового неизбежны неудачи. Ученый не должен их бояться, опускать руки. Бывает, что анализ неудачных экспериментов приводит к открытиям...

Если собираешься идти в науку, надо твердо знать: никогда не сделается ученым тот человек, которому становится скучно после 6 часов работы на установке или за письменным столом. Мы в своей ленинградской лаборатории работали, не считаясь со временем, часто и по 12 часов в сутки. Да, по существу, так идут исследования и в большинстве лабораторий Института химической физики. Перед увлекательными задачами науки все другие, личные дела отходят на второй план. Творческому научному работнику, как правило, не хватает ни 6, ни 8 часов в день. Молодежь должна знать, что если не работать столько, сколько хватит сил и еще больше, если не жертвовать удовольствиями,— нечего и идти в науку.

На примере моих учеников я нередко наблюдал, что иногда менее способный, но более трудолюбивый и собранный человек достигает в науке большего, нежели способный, но разболтанный. К слову сказать, одаренность в области науки сильно отличается от одаренности в области искусства: прежде всего научная одаренность менее четко выражена. Она встречается гораздо чаще и проявляется значительно позднее. Общее тоже есть, это одержимость.

Следует различать способности и, так сказать, сумму знаний. Последнее зависит от качества школы, где учится или учился молодой человек, от образованности его родителей и прочее. Одаренность же, оцениваемая по его творческой активности, практически не зависит от этих обстоятельств и одинаково видна у окончивших школу в деревне и в городе, у детей академика и рабочего. Она выражается прежде всего в творческой, активной любознательности.

К сожалению, среди молодых ученых встречаются такие, которые с первых же шагов сами стараются не искать «нехоженых троп». Они жалуются на недостаточное руководство, склонны к движению по «автострадам» науки, полагая, что такое движение быстрее и результативнее. Это ошибка. В большинстве случаев подобные молодые ученые через год-два начинают чувствовать, что пути настоящей науки не здесь, что важно идти иной раз по полному бездорожью, по целинным землям, где каждый шаг стоит огромного труда.

Занятие наукой требует от человека сосредоточения всех душевных и физических сил. Это дается великой страстью и беспрерывным трудом. Как пианисту надо ежедневно по многу часов играть на рояле, так и ученому надо непрерывно, систематически трудиться над совершенствованием методов экспериментов, над анализом их результатов, постоянно раздумывать над значением опыта, мечтать о новых экспериментах и теориях, думать о практическом применении их результатов в народном хозяйстве. Настоящим ученым является лишь тот, для кого творческий труд есть подлинное содержание жизни.

ОЛОДЕЖИ

ОТЧИМ

Анатолий **АНАНЬЕВ**

Рисунки И. ПЧЕЛКО

В №№ 4, 5, 6 журнала «Новый мир» за 1975 год была напечатана первая книга романа Анатолия Ананьева «Годы без войны». Читатели с интересом восприняли появление этого произведения. Сейчас писатель работает над второй книгой романа, главы из которой мы публикуем в нашем журнале.

1

Весна во всей средней полосе России в 66-м году была теплой и ранней. Уже в первых числах марта начали оседать снега, и к середине месяца поля покрылись черными пролысинами, очистились от наледей дороги, и по обочинам вдруг неуловимо и нежно полезла трава. В апреле прошли ливни, и перед майскими торжествами и особенно после праздников все вокруг было зелено, сады отцвели, и над березовыми рощами уже не нависали по утрам сиреневые дымки; наступила пора полевых работ и пора туманов, которые, скапливаясь по ночам в оврагах, над низинными лугами и речками, расползались затем по полям и пашням, скрывая работающие на них тракторы. Весна радовала и торопила деревенских людей, вызывая чувство озабоченности и надежды, что труд их по осени будет вознагражден с той же щедростью, с какой они теперь (как и всегда велось у мужика) принимались за дело; несмотря на научную организацию труда, несмотря на ежедневные сводки погоды, на установки и рекомендации, спускавшиеся сверху, что, впрочем, давно уже было для них делом привычным и естественным,— по утрам их поднимала та же сила жизни, какая поднимала крестьян во все минувшие времена и выводила в поле. Эта же неизживная крестьянская сила будила по утрам и старого Акима Сухогрудова, отчима Галины, бывшей жены Арсения. Как все старые люди, Сухогрудов спал беспокойно и мало и с первыми признаками зари, едва только в окне начинало светлеть, надевал сапоги, меховую безрукавку и выходил во двор.

За огородом его сейчас же открывался овраг, и за оврагом виднелось поле озимой пшеницы. Когда, пройдя тропинкой по огороду и забрызгав сапоги обильной росою, Сухогрудов подходил к оврагу, тот, словно молоком, был еще заполнен густым белым туманом. Он спускался в этот туман, утопая сначала по грудь, по плечи, затем с головою скрываясь в нем, и, когда выходил на противоположную сторону, утро уже было в той поре, что вот-вот должно было брызнуть солнце, и по всему убегавшему к пригорку озимому клину, как иней на малахитовой зелени, светилась роса. Из оврага, как из чаши, выплескивался туман и, перекатываясь клочковатыми и редевшими хлопьями, застилал поле. Туман этот то отставал, то догонял Сухогрудова, и ему доставляло удовольствие то вновь входить по пояс в это белое молочное море, то выходить из него; одежда постепенно делалась волглой, но под меховою безрукавкой было тепло, сухо, как тепло и сухо было ногам в сапогах, и это ощущение теплоты и ощущение свежести пробуждавшегося утра было настолько сильным и так возбуждало его, что ему казалось, что не только не было, но и не могло быть ничего прекраснее, чем эти рождавшиеся в белом тумане рассветы, чем хлеба, покрытые росой, пригорок, березовая роща, убегавшая к дороге, и сама дорога, и свекловичное поле за ней, и деревня, избы, которые тоже то погружались по окна в туман, то очищались от него, и тогда, словно оголенные, чернели среди общей зелени огородов и дворов их обветшалые и потемневшие бревенчатые стены.

Старик подходил к дороге и затем шел обратно, и этот обратный путь доставлял ему то же удовольствие. Солнце уже на ладонь висело над горизонтом, и можно было, слегка повернув голову, подставить лицо под его яркие и согревавшие все лучи. Туман редел, и через него проглядывало уже дно оврага с ручьем и запрудами и круглыми, как огромные белесые валуны, кустами тальника; солнце подсушивало росу, и отовсюду поднимались и густо текли запахи земли, травы, дождей и надвигавшегося лета. Сухогрудов останавливался, смотрел и снова шагал вдоль все того же клина озимой пшеницы, и мысли, какие возникали в нем, были непривычными и возбуждали чувство, будто цель, к какой он постоянно стремился, суетясь, огорчаясь и проводя бессонными ночи (цель, в которой были и должностная лестница для себя и всеобщее благо для людей, как он понимал это благо), не имела смысла и была лишь наслоением, как подсохшая кора, отпадающая с деревьев, и что у жизни с ее бесконечным продолжением есть иная, своя цель и свои силы, дающие ей обновление. Мысли эти были от старости, и Сухогрудов понимал это; но, понимая, с охотою отдавался им, находя успокоение именно в том, что жизнь бесконечна, что все в ней сопричастно и что как раз потому, что сопричастно, смерти, как небытия, наверное, нет, а есть только беспрерывное и управляемое природою возрождение.

Ему еще хотелось пожить и хотелось деятельности; но в то же время он чувствовал, что был слаб, и видел, что деятельность его была ограничена лишь возможностью рассуждать и невозможностью влиять на ход общих, лежавших вне дома событий. Он гулял по утрам потому, что знал, что прогулки эти были нужны для здоровья; он теперь экономил в себе жизнь и делал это тем упорнее, чем яснее сознавал, как часто зря, бестолково и безрассудно растрачивал ее.

У него была квартира в Мценске, куда он перебирался только на зиму, в сильные морозы, или когда приглашали на пленум райкома или на какую-нибудь конференцию, на которой просили выступить его; все остальное время безвыездно жил в этой маленькой — в двенадцать дворов,— умирающей Поляновке, которую в округе давно уже не называли деревней, а считали лишь дачным выселком, где доживали свою старость вышедшие на пенсию, но не пожелавшие переезжать на центральную усадьбу колхозники. Окруженная пашнями и перелесками, Поляновка лежала, как островок среди огромного простора хлебов; земли вокруг нее вспахивались и засевались механизаторами из соседнего большого села Курчавина (где как раз и располагалась центральная усадьба колхоза), а здесь, в Поляновке, не было ни магазина, ни школы, ни сельсовета, ни даже бригадного стана; только в доме Сухогрудова стоял телефон, который провели ему по особому распоряжению, как бывшему ответственному работнику района. Можно было поговорить с Мценском, Орлом, вызвать врача из Курчавина, но Сухогрудов редко пользовался им; телефон нужен был ему только на всякий случай, чтобы не терять связи с тем миром, которому отдано было так много разных душевных и физических сил и который, начинаясь за огородом, был неохватен для него — до Москвы и дальше, куда уводили былые дороги войны. Он постоянно чувствовал этот мир и жил в нем; и точно так же, как в прежние годы, постоянно испытывал желание освободиться от него; ему недоставало тишины и размеренности жизни (чего всегда недостает деревенским людям, отошедшим от земли и плуга), и Поляновка была тем местом, где было тихо, по утрам из нее не выгоняли стадо, потому что здесь было всего несколько коров, которых пасли на меже между рощей и полем, привязывая на длинных веревках к кольям, было несколько коз, которых тоже держали на привязи, чтобы не травили посевы, и лишь куры привольно разгуливали по дворам, за дворами и по улице и бойко рылись в старых навозных кучах. Только раз в году прибывал из Курчавина трактор, чтобы вспахать весной огороды, да время от времени наведывался почтальон на велосипеде, доставлявший газеты и письма. Но в середине лета, когда наступала пора отпусков и каникул, Поляновка ненадолго оживала. К старикам приезжали дети, жившие в городах, и привозили своих детей, которых иногда оставляли до осени, пока не приходило им время отправляться в школу.

К Сухогрудову тоже приезжали его многочисленные знакомые, друзья и родственники, и не только, чтобы провести лето на воздухе и отдохнуть: когда он был у дел, он помогал многим,— и они теперь из уважения навещали его и жили подолгу, так что в доме Сухогрудова, как ни стремился он к уединению, почти всегда было людно. Ему нравилось, что родственники и друзья не забывали его, но вместе с тем он часто страдал от этого многолюдья и тогда уходил в поле, где, оставаясь наедине с собой, мог свободно думать и оценивать то, что было и чего не было сделано им за прожитую жизнь.

Поляновка была родной его деревней, и дом, в котором он жил, был отцовский дом, поднятый теперь на фундамент, подновленный, расширенный и надстроенный; в нем было достаточно комнат, чтобы жить и принимать гостей, особенно летом, когда приводился в порядок весь не отапливавшийся зимою верхний, оборудованный под жилье чердачный этаж. Было как будто нелепо в умирающей деревне отстраивать такой дом, но для Сухогрудова все это имело свой смысл, он хотел еще пожить, и он твердо знал, что пожить сможет только здесь, в Поляновке, в тридцати километрах от Мценска и от магистрального трак-

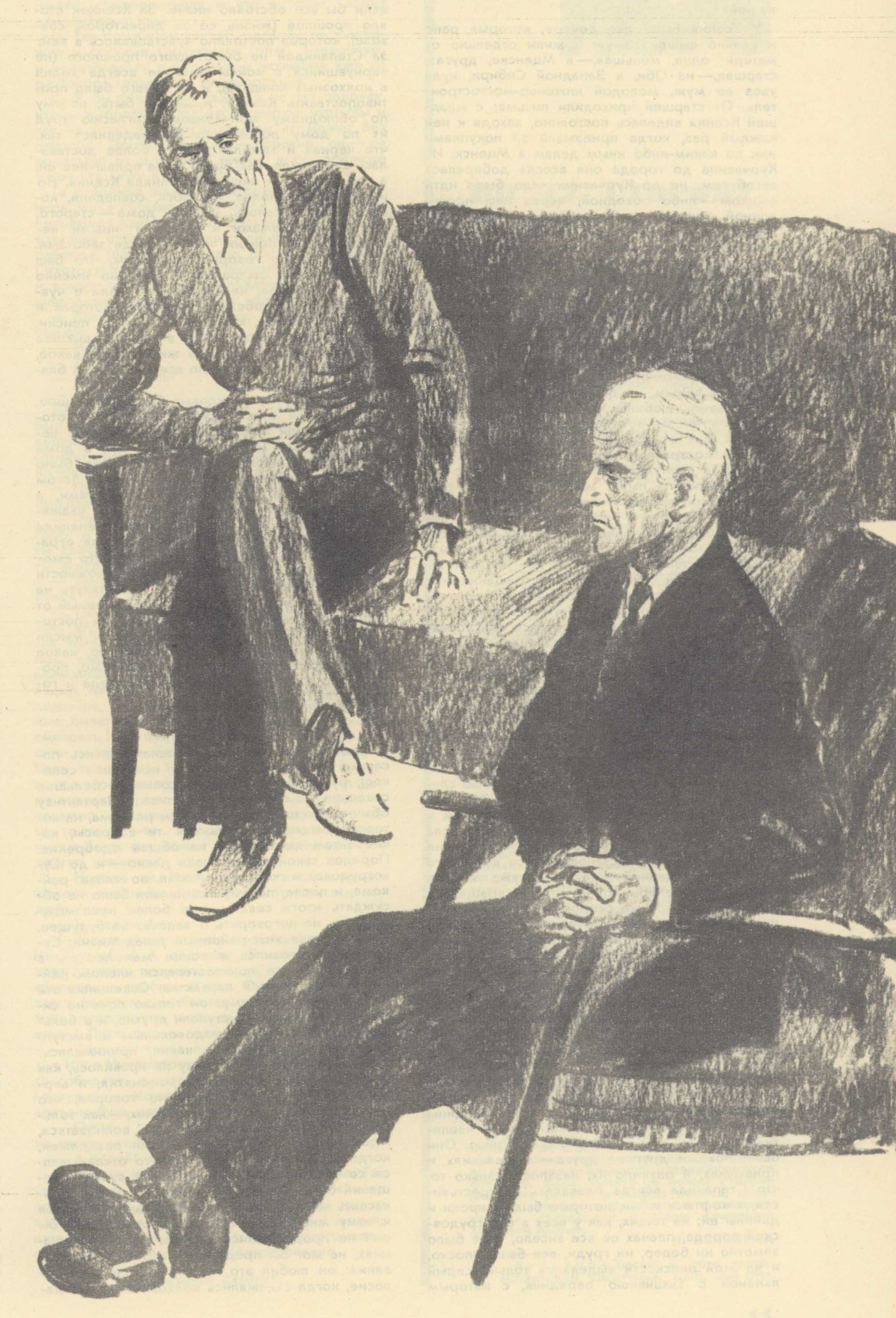
ГАЛИНЫ

та, соединявшего Симферополь с Москвой; он не слушал советов, какие давали ему, и после первого же проведенного в деревне лета смеялся в душе над теми советчиками. «Да знаем ли мы, что более нужно человеку для жизни и счастья?» — думал он. И он приходил к мысли, что для жизни и счастья человеку нужно именно это, как он жил теперь, а не то, что он искал и что многие люди ищут и хотят иметь от жизни.

Вся многолетняя деятельность Сухогрудова, пока он был секретарем райкома, была направлена на то, чтобы укреплять колхозные хозяйства и улучшать жизнь колхозников; он делал все, чтобы старую избяную деревню заменить новой, в которой было бы светло, просторно и чисто, как в городе; но теперь, когда он видел плоды своего труда (одни деревни, как соседнее Курчавино, отстраивались и разрастались, другие, как Поляновка, старели и умирали), когда он смотрел именно на умиравшую Поляновку, — чувство, что было что-то непродуманное в том деле, какое он выполнял, охватывало его. Ему казалось, что вместе со старыми избами и со всей той трудной крестьянской жизнью, о которой нечего было жалеть, уходило в небытие что-то еще, близкое ему (близкое каждому русскому человеку), что связывало его корнями с землей, со всей тысячелетней жизнью народа, о которой он знал из книг, но которая здесь, в деревне, была как будто жива во всем, на что он смотрел. Когда он проходил мимо заросшего бурьяном фундамента бывшей церкви, он сейчас же вспоминал, что напротив церковных ворот была площадь, и что площадь эта была центром деревни, и что мужики, ехавшие из других сел в Мценск, останавливали подводы на этой площади, и оттого она всегда была выщерблена копытами, и на ней всегда были видны объедки сена и конский помет, кочками застывавший зимою на утоптанном и укатанном санными полозьями снегу. Он не думал, хорошо ли было тем мужикам, для чего они ехали и что заставляло их останавливаться в Поляновке; он представлял только площадь с конским пометом и объедками сена на снегу и чувствовал, что за этой знакомой ему картиной стояла жизнь, десятилетиями повторявшаяся из года в год, и что тепло той жизни теперь отдавалось в нем и согревало его. Точно то же испытывал он, когда смотрел на опустевшие и полуразрушенные амбары, которые были еще не все сожжены и виднелись то там, то тут по деревне, и когда смотрел на Поляновку издали; это же чувство к уходящей крестьянской жизни возникало в нем и в минуты, когда он вдруг вспоминал первые хлебные обозы с колхозным зерном, как они по заснеженным проселкам тянулись к Мценскому элеватору и как все те же извечные мужики, называвшие себя колхозниками, сдав зерно, кормили лошадей и грелись возле разведенных костров; он обращался теперь к жизни и воспринимал ее уже не с точки зрения ближайшей истории и активного участия в ней, а с другой, когда жизнь, особенно деревенская, представлялась ему лишь с той стороны, с какой она всегда казалась и долго еще будет казаться привлекательной людям.

II

Сухогрудов не мог сказать, был ли он счастлив в семейной жизни или нет; он пережил двух жен и жил теперь с третьей, казалось, перенеся на нее всю свою запоздалую привязанность к семье и дому.

От первой жены, дочери старого орловского большевика-подпольщика, остался у него сын, Дементий. Со второй, мценской учительницей (матерью Галины), сошелся еще до войны и дожил с ней до лучших своих дней, когда был избран первым секретарем райкома. Третья была супругой хорошо знакомого ему директора совхоза, овдовевшая как раз в тот год, когда Сухогрудов ушел на пенсию; по старой памяти к ее мужу он навестил Ксению Александровну (так звали ее); потом заехал второй и третий раз, а когда перебрался в Поляновку, неожиданно для знакомых и родственников привез ее к себе и женился на ней.

У Ксении были две дочери, которые рано и удачно вышли замуж и жили отдельно от матери: одна, меньшая,— в Мценске, другая, старшая,— на Оби, в Западной Сибири, куда увез ее муж, молодой инженер-мостостроитель. От старшей приходили письма; с младшей Ксения виделась постоянно, заходя к ней каждый раз, когда приезжала за покупками или по каким-либо иным делам в Мценск. Из Курчавина до города она всегда добиралась автобусом, но до Курчавина надо было идти пешком — либо обходной, через лес, проселочной дорогой, либо напрямик, тропинкой, какую, несмотря на все ежегодные запреты курчавинского председателя, протаптывали старые поляновские колхозники.

Ксения была почти на десять лет моложе Сухогрудова, веселая, домовитая и добрая — из тех женщин, которые, не испытав в молодости глубоких и сильных чувств, всю жизнь затем живут с убеждением, что чувств таких в природе не существует, а есть только взаимная привязанность людей друг к другу, к детям, к вещам, к дому. Она умела хорошо готовить, любила, чтобы в комнатах было светло и чисто, и относилась к мужу точно так же, как относилась к вещам — к пледу, коврам, которые каждый день чистила и вытрясала, к шкатулке, вазам и статуэткам, с которых вытирала пыль; муж (в той бессознательной привязанности к нему, какую она, впрочем, постоянно испытывала ко всем вещам в доме) воспринимался ею как безусловная и необходимая составная часть ее жизни, и отсутствие его было бы для нее как отсутствие одной спицы в общем вращающемся колесе. Ей казалось, что она была центром семейной жизни и управляла мужем и дочерьми, в то время как на самом деле все они управляли ею, не замечая того, и были довольны и счастливы. Без каких-либо видимых с ее стороны усилий (она, в сущности, только кормила и прибирала за ними) дочери выучились и устроились в жизни; без тех же видимых ее усилий в доме постоянно что-то обновлялось, что-то приобреталось, и Ксения из такой своей жизни усвоила, что на всякое желание нужно только время и что рано ли, поздно ли, но все приходит и делается само собой и не следует ничего подталкивать и торопить. Этот образ мыслей и привязанность свою к вещам и свое восприятие жизни она целиком перенесла затем в дом к Сухогрудову, не изменив ни одной привычки, и остановившееся как будто после неожиданной кончины мужа колесо вновь было теперь полно спиц и вращалось для Ксении с той же скоростью и так же бесшумно и ровно, как оно вращалось для нее все долгие предыдущие годы. К пледу, коврам, шкатулке и вазам, с которыми она не могла и не хотела расставаться, прибавилась та самая недостающая вещь — муж, Аким Сухогрудов,— за которой тоже надо было следить и ухаживать, и она просто и с привычным желанием сейчас же принялась за дело. Благодаря мягкому характеру и домовитости она быстро подружилась со Степанидой, сестрой Сухогрудова, овдовевшей еще в войну и жившей в Поляновке (другая его сестра, Ульяна, жила в Курчавине), и обе женщины суетой, разговорами и бесконечными чаепитиями делали дом наполненным жизнью. Они были похожи друг на друга — в желаниях и привычках, и разнило их, казалось, только то, что Степанида всегда одевалась по-крестьянски, в кофты и юбки, которые были широки и длинны ей; на тощих, как у всех в сухогрудовской породе, плечах ее все висело, и не было заметно не бедер, ни груди, все было плоско, и на этой плоскости выделялся только серый льняной с вышивкою передник, с которым она, казалось, не хотела расставаться даже ночью. Но Ксения выглядела по-деревенски лишь в дни, когда в доме шла большая, как она говорила, уборка; во все остальное время носила хотя и не очень дорогие, но нарядные халаты, которые были тоже часто длинны и велики ей, но они придавали всей ее уже заметно постаревшей, но достаточно еще округлой фигуре что-то отдыхающее, барственное, что-то наслаждающееся жизнью, и это было так естественно в ней, что всем в доме казалось — и гостям, какие приезжали, и Сухогрудову, и Степаниде,— что именно так и должно быть и что было бы непонятно и неправильно, если бы все обстояло иначе. За Ксенией стояло прошлое (жизнь ее за директором совхоза), которое постоянно чувствовалось в ней; за Степанидой не было такого прошлого (не вернувшийся с войны муж ее всегда ходил в колхозных конюхах), и ей нечего было противопоставить Ксении; и, может быть, потому по обоюдному молчаливому согласию труд их по дому постепенно распределился так, что черная и тяжелая работа более доставалась Степаниде, как будто была привычнее ей, а что полегче и чище, выполняла Ксения. Но интересы их вполне, казалось, совпадали, когда дело касалось главы дома — старого, отягченного думами и разными иными непонятными ни Ксении, ни Степаниде заботами. Он никогда не говорил домашним, что был несправедливо отстранен от дел; но именно домашние более, чем кто-либо, знали и чувствовали это, особенно Степанида, которая и прежде и теперь, когда Аким был на пенсии, восхищалась братом, видя в нем то высшее умение понимать жизнь и жить в ней, какое, как она считала, дается не всем людям, и благоговела перед ним.

Хозяйство у Сухогрудовых было небольшое, они держали только кур и кабанчика, которого кормили хлебными отходами. Но, несмотря на это малое хозяйство, дел в доме всегда было много; каждое утро надо было бежать за молоком, ставить самовар, потом отправляться в Курчавино за продуктами, а когда приезжали гости, кормить их и ухаживать за ними, и все это лежало на Степаниде и Ксении. Жизнь их не то, чтобы была ограничена кругом домашних дел, но просто ежедневная занятость не давала им возможности выйти за пределы этого круга и взглянуть на мир, тогда как Сухогрудов, освобожденный от подобных домашних дел, был как бы постоянно за этим очерченным кругом, и мысли его были прикованы к тому движению, какое теперь, когда он не работал в райкоме, происходило в разных слоях жизни народа и государства.

III

Каждый год, как только заканчивались посевные работы (и пока не начинался сенокос), руководители района созывали большое совещание партийного актива. Партактиву обычно предшествовал пленум райкома, на котором рассматривались все те вопросы, какие затем выносились на общее одобрение. Порядок такой существовал давно — и до Сухогрудова, и когда он стоял во главе райкома, и после, потому что нельзя было не обсуждать итоги сева и еще более невозможно было не поговорить о задачах на будущее. Хорошо зная этот районный уклад жизни, Сухогрудов готовился в конце мая поехать в Мценск (он все еще оставался членом райкома), на пленум и партактив. Совещания эти ничего не давали ему; он только почетно сидел и слушал, как выступали другие, и в большей части оставался недовольным и выступлениями, и решениями, какие принимались; но, несмотря на то, что ему не нравилось, как проводились теперь эти мероприятия, и вернувшись в Поляновку, обычно говорил, что никогда больше не поедет на них,— как только приходило время, начинал волноваться, ждал телефонного звонка и был раздражен, когда звонок кем-то и почему-то откладывался со дня на день. В кулуарной суете совещаний была частица его прошлых дел, и, прикасаясь к ним, он как бы опять приобщался к тому миру событий, без которых, если бы они не продолжались для него в воспоминаниях, не мог бы представить своего существования: он любил это многолюдье и многоголосие, когда съезжались колхозные председатели, парторги, директора совхозов, каждый представлявший собою личность, каждый — со своей уверенностью, со своим словом, и все вместе создававшие общую атмосферу неодолимой силы. «Нет, с таким народом можно горы ворочать»,— всегда думал Сухогрудов, глядя на них. И то, что он долгие годы стоял над ними, именно над этим народом, с которым можно ворочать горы (и сознание, что сам был из этого народа), определенным чувством наполняло его.

Накануне открытия пленума Сухогрудов, возбужденный и, как всегда, полный достоинства, вместе с Ксенией приехал в Мценск.

Войдя в квартиру, он сделал несколько телефонных звонков, которые посчитал нужным сделать, и ответил на те, какие были сделаны ему; затем, немного отдохнув с дороги и переодевшись, отправился навестить старого своего приятеля — бывшего редактора районной газеты Илью Никаноровича Кузнецова, который после перенесенной тяжелой операции (удаление желчного пузыря) был еще слаб и опасался выходить из дома.

— Жив? — сказал Сухогрудов, вслед за Ильей Никаноровичем входя в комнату и глядя на его худые и обвисшие плечи.

— Тянет еще старая гвардия,— отозвался тот, не оглядываясь и волоча ноги по паркетному полу.— На пленум?

— Да.

— Хорошо, что зашел. Мои все по делам, никого. Чай поставить?

— Нет, я только повидать.

Они сели — Сухогрудов в кресло, Илья Никанорович на диване — и с минуту, прежде чем начать разговор, смотрели друг на друга. Морщинистое лицо Ильи Никаноровича было все на свету и особенно поражало вымученной худобою. В когда-то голубых и теперь поблекших, как выцветшие занавески, глазах его, казалось, было только сознание обреченности, и в желтых наплывах кожи у глаз, на щеках и у подбородка еще хранилась боль, продолжавшая, как видно, и после операции изнурять его. «Сдал, как сдал,— подумал Сухогрудов, пробежав взглядом по этому вымученному лицу.— А ведь для чего-то жил, суетился, чего-то добивался». Мысль эта, не раз прежде возникавшая у Сухогрудова по отношению к себе, была теперь так наглядна и так по-мужицки ужасающе проста, что он на мгновение вздрогнул и оглянулся. Он помнил Илью Никаноровича в самые разные годы трудной районной жизни, и помнил всегда в деле; все те хлебные поля, мимо которых Сухогрудов проехал сегодня от своей деревни до Мценска, и все другие, лежавшие на тридцать—сорок верст вокруг Мценска,— все были исхожены Кузнецовым за долгую службу его на посту редактора районной газеты; он был одним из тех безотказно отдававшихся работе районщиков, которые, надев сапоги, ватник и брезентовый плащ с капюшоном, всю осень и зиму затем кочевали по деревням, отправляя хлеб на элеваторы, выступая на собраниях и разжигая в людях те огоньки надежды, которые должны были разгораться и поддерживать в них веру и жизнь. Об этих районщиках теперь забывали, иногда посмеивались над ними, и Сухогрудов тяжело переживал такое отношение и забывчивость людей. Он говорил себе, что нельзя так судить о прошлых деревенских делах, что не было никогда деревенского вопроса отдельно, как его стараются представить теперь, а была жизнь, были десятки обстоятельств, которые диктовали решения. «Ишь, умники,— думал он,— а умишка-то, что у кота: захотел поесть, изольется мурлыканьем, все ноги изотрет, а набил брюхо — знать ничего не знаю». Как токи, двинувшиеся от корней к листьям, шевельнулась и ожгла Сухогрудова эта старая затаенная боль, пока он смотрел на редактора районной газеты. Он не отделял себя от того, что думал о нем; так же, но, может быть, чуть в лучших условиях мотался он по району от хозяйства к хозяйству и был тем же районщиком — во всем добром понимании этого слова, какое вкладывали в него люди сороковых и пятидесятых годов; точно так же по неделям не снимал сапог и не виделся с семьей и домом, и только когда последние обещанные сверх плана центнеры зерна доставлялись на элеватор, позволял себе попариться в бане, от-

дохнуть и отоспаться для новых и бесконечных районных дел. На сухощавом и тоже морщинистом, как и у Кузнецова, лице его были следы всех тех трудных минувших лет. Сухогрудов тоже выглядел не вполне здоровым, но в сравнении с Ильей Никаноровичем казался бодрым, и в движениях, во взгляде, и в том, как сидел,— прямо, не облокачиваясь на спинку кресла, было еще что-то от прежней решительности и воли.

— Районщики мы с тобой,— сказал Сухогрудов,— старые доживающие районщики.— У тонких и сухих губ его вспыхнула усмешка, по которой сейчас же можно было узнать, отчего она.

— А что районщики? Что районщики? О нас еще скажут доброе слово, поверь мне, о нас еще вспомнят,— с той живостью, насколько позволяло ему болезненное состояние, возразил Илья Никанорович, знавший мнение Сухогрудова и не первый раз возражавший ему.— Я горжусь и не жалею, чему отдал жизнь, да-да, отдал,— добавил он.— А признайся все-таки, славные были дела, славно мы поработали, а?

Сухогрудов как будто не слышал этого вопроса; он смотрел на полки с подшивками газет, висевшие на стене рядом с диваном, и при слове «дела» встал и подошел к ним.

— Хранишь? — прищуренным ящеричным взглядом ощупал он старые и желтые свертки газет.

— Храню.

— Да, может быть, ты и прав,— сказал Сухогрудов, возвращаясь и садясь в кресло.— Ты как чувствуешь себя? Что врачи говорят?

— Я теперь, Аким, как затаврованная лошадь,— ответил Илья Никанорович. Слова эти он, как видно, не раз повторял разным людям и потому не улыбнулся, произнеся их сейчас Сухогрудову; только, чуть наклонив голову, посмотрел на то место под правой рукой у пояса, где были беспокоившие его и скрытые теперь под рубашкой и домашней курткой розовые и жесткие, едва-едва затянувшиеся после операции швы.— Со мной теперь хлопот, что с малым дитем: туда-сюда походил — и за кашу, туда-сюда обернулся — и опять что-нибудь пожевать надо. Дробное питание и строжайшая диета, так что отъел и отпил я свое.— И он опять скосил глаза на то место, где под рубашкой были послеоперационные швы.

— Но врачи-то что?

— Говорят, стрелка вверх...

— Это — главное.

— А ты-то как?

— Тяну, Никанорыч, тяну, не сдаюсь. И не собираюсь пока сдаваться.

— Третьего дня заходил ко мне Борисенков,— снова начал Илья Никанорович, задвигав бровями, как он делал всегда, прежде чем высказать то, что озадачивало его. Борисенков заведовал одним из отделов райкома — и при Сухогрудове и все девять лет после него — и считался тем мягким и гибким, как говорят про таких, работником, которые одинаково хорошо могут чувствовать себя при любых переменах и с легкостью и изяществом тотчас опровергать то, что утверждали вчера; и при всей этой своей уживчивости, умении ладить с людьми они не прочь иногда поработать локтями, чтобы, оттолкнув впереди идущего, занять его место. О Борисенкове (хотя никто не мог ничего доказать) ходили именно такие слухи, и потому, едва лишь Илья Никанорович назвал его фамилию, Сухогрудов сейчас же настороженно наклонился к нему.— И зачем, думаешь, приходил? Он ведь зря ничьего порога не переступит. Галина-то пишет? Как она там, в Москве?

— А что?

— По-моему, Борисенков что-то нехорошее узнал то ли про нее, то ли про ее сына.

— Глупости,— возразил Сухогрудов, отстраняясь и не желая говорить о падчерице. Разговор о ней и прежде всегда бывал неприятен ему тем, что Галина представала в глазах его неудачницей, а он не терпел неудачливых людей. «Неудачлив только тот, у кого ни ума своего, ни сообразительности,— считал он.— А уж если его нет, соседский не вложишь». Он был против развода ее с первым мужем, от которого у нее как раз и остался сын Юрий, был против, когда она выходила за Арсения, потому что не почувствовал в нем ни политика, ни мужа, но затем точно так же возражал, когда Галина расходилась с ним, и говорил ей, что нельзя мотаться от одного к другому и третьему, а надо устраивать жизнь; ему совершенно непонятно было, для чего она после развода осталась в Москве, где не было ни родных, ни знакомых, ни достаточно крепких связей у него, ее отчима, чтобы помочь ей, и почему не вернулась в Мценск, где он раскрыл бы перед ней многие возможности. Писем он давно не получал от Галины, но из всех тех прежних, которые были скупы на разные житейские подробности, знал, что Юрий несколько раз намеревался бросить школу, самовольничал и что вообще Галина измучилась с ним.

— Так что же он узнал? — все же не выдержал и спросил Сухогрудов, опять наклоняясь и всматриваясь в блеклые и уставшие уже от разговора глаза Ильи Никаноровича.

— Я бы сказал, да ведь он не тот человек, чтобы выболтать. Под нас ковырять что? Мы и так на краю. Но этот мерзавец не может без пакости. Погоди, погоди,— добавил он,— ты подальше от районной жизни, я тут поближе и кое-что вижу и понимаю.

Та районная жизнь, на которую намекал теперь Илья Никанорович, была обычная предпленумная райкомовская обстановка, когда готовились утвердить нового первого секретаря райкома (прежний, в свое время сменивший Сухогрудова, уходил на повышение в область), и вокруг возможных кандидатур на этот пост шли разные толки «за» и «против».

— Кого в первые прочат, знаешь? — спросил он.

— Нет.

— Лукина.

— Ивана, что ли?

— Именно!

Для Сухогрудова то, что он услышал (Лукин был первым мужем Галины), было настолько неожиданным, что он не сразу нашелся, что ответить болезненно смотревшему Илье Никаноровичу.

— Ну и что? — наконец сказал он.— Дело прошлое.

— Прошлое, настоящее — важно прилепить горб, а потом иди разбирай. Я не знаю, как ты сейчас относишься к Ивану, но, по-моему, ты всегда раньше поддерживал его.

— По-родственному? — Сухогрудов усмехнулся.

— По-родственному ты бы должен придавить его за Галину. А ты не придавил, и это так тогда запомнилось людям. Мне, ты знаешь, никакой корысти в Лукине. Сват, брат, племянник там по двадцатой линии — все это вздор, плюнул и растер. Я ведь и тогда, если помнишь, ни слова тебе. Но мы же партийные билеты носим! И я не могу равнодушно смотреть, как будут ни за что ни про что топить человека. Ты не выгнал Борисенкова, а Иван выгонит, и Борисенков это знает. И потому непременно постарается наклепать. А дело это не хитрое: бросил жену, сына, когда — неважно, а важны плоды безотцовщины: то-то, то-то и то-то... аморально, непартийно, нечист в быту, так может ли такой человек учить других, как жить?

— Несешь ты, Илья. Это мы в свое время каждой анонимке кланялись, а теперь все по-другому.

— Ты уверен?

— Родственные струны позванивают в тебе. Не слышишь? А я слышу. Позванивают. Они и тогда тоже позванивали, да, да. А за Ивана, откровенно говоря, я рад. Он всегда мне казался толковым, и Галина сделала непоправимую глупость, что ушла от него. Дура, что скажешь? Пусть теперь покусает локти.

— Черт им тогда перебежал дорогу,— сказал Илья Никанорович, морщиня лоб, как будто собираясь с мыслями, чтобы возразить Сухогрудову.— Может, у Галины действительно какая-нибудь неприятность?

— Какая у нее неприятность? С Арсением не живет, что еще?

— А Юрий? Что она пишет?

— Ничего не пишет. Было бы, написала. Так что, думаю, вздор все, что твой Борисенков хочет затеять. А за Ивана рад, в нем что-то волевое есть, а? «Что-то от нас», — молча, взглядом добавил он, продолжая всматриваться в усталые глаза Ильи Никаноровича.

Окончание следует.

ПО ТУ СТОРОНУ РАЗУМА

Тридцать с лишним лет назад был разгромлен ненавистный гитлеризм, а со страниц газет не сходит тревога: фашисты нагло орудуют в Чили, очаги коричневой чумы вспыхивают и тлеют, чадя, в мечтающей о спокойствии Европе. И потому повесть-памфлет Льва Лукьянова «Вести с того света», где в остросюжетной, увлекательной, почти детективной форме рассказывается о серьезных, волнующих мир проблемах, повесть, клеймящая неофашизм и его пособников, воспринимается весьма актуально.

Завязку действию дает туманная записка, написанная отошедшим в мир иной рейхсминистром Иксом весной 45-го года и врученная его вдове четверть века спустя бывшим ефрейтором, ныне мясником, членом «Союза контуженных» Гансом Шрамом.

Мечты овладеть сказочными богатствами третьего рейха, «ключи» от которых, как выясняется после долгих перипетий, упрятаны где-то далеко в горах, в Ослиной дыре, поднимают на ноги не только единомышленников бывшего рейхсминистра. Не прочь поживиться награбленным и некоторые государственные чиновники — сотрудники контрразведки, криминальной полиции. К «поискам» активно примазывается гангстерская фирма «Дженерал арт», руководимая «беспокойным жителем Чикаго» — Кривым Джеком. Здесь же и современный Адольф, на заокеанский лад — «Эдди», фюрер «фацистской» партии.

Алчная, отнюдь не рыцарская борьба, развернувшаяся вокруг «наследства», ярко обнажает грязное исподнее, скрывающееся под респектабельными костюмами этих господ.

Безжалостным пером сатирика разоблачает Л. Лукьянов истинное нутро наследников фашизма. Нет, они не только смешны в своей потрепанной словесной упаковке. Они опасны, страшны беспринципностью, нечистоплотностью и не останавливающейся ни перед чем кровавой сущностью.

Убедительно показана автором та унавоженная питательная среда, в которой безнаказанно процветают сорняки фашизма. Перед нами целая галерея покровителей неофашистов. Судья Асманн, грустящий о своем былом могуществе во времена третьего рейха и отечески опекающий всех последышей идей и заветов недоброй памяти Адольфа I, банковский воротила советник Абес и газетный босс Акшпрунгер, мостящий «фаци» дорогу в умах людей. Полицейский инспектор Шуллер — преданный член «фацистской» партии, как рекомендует его Эдди... Зло и едко высмеивает автор апостолов неофашизма. А сколько иронии и сарказма заключено, например, в служебной записке рыжего ничтожества — лейтенанта фон Найна из контрразведки! Итоги изучения найденных в Ослиной дыре документов — «идейного» завещания нацистов потомкам — он выражает в... килограммах.

Герои Лукьянова воспринимаются выходцами с того света. Но эти тени прошлого — угроза дню сегодняшнему.

И хотя автор, закончив повествование, признается: всего написанного не было в действительности,— читателя не покидает ощущение реальности развернувшихся событий. Ведь «никто не может утверждать, что рано или поздно пресса, документы, показания участников и свидетелей не подтвердят историю сокровищ Ослиной дыры».

И. ВОРОНИНА

Л. Лукьянов. Вести с того света. М., «Советский писатель». 1975, 208 стр.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЗОРИ

Задумав создание истории фабрик и заводов, Горький призывал литераторов писать книги о тех, кто трудом своих рук строил новое общество в нашей стране. Безусловно, в русле горьковской идеи и книга Т. Леонтьевой «Рассказы о коммунистах». Прочтя эти очерки, ветераны вспомнят молодость, революционные зори, первые боевые схватки и нелегкие годы строительства едва ли не на пустом месте, в обстановке разрухи и нехватки самого необходимого. А юноши и девушки не только познакомятся с еще несколькими штрихами нашей истории, но и лучше узнают истинных ее творцов, таких, например, как вдохновитель и руководитель великолепного рабочего коллектива Московского автозавода, член партии с 1917 года Иван Алексеевич Лихачев.

Автор книги Тамара Константиновна Леонтьева — старый коммунист, многие из героев были ей знакомы лично. И она рисует их портреты живо, с примечательными чертами характера, отчетливо зримым внешним обликом; умно и остро передает ощущение ставшей легендарной эпохи, обстановку и обстоятельства, в которых приходилось жить и действовать тем, кому посвятила она свои очерки.

В первом из них рассказывается о судьбе Марии Леонтьевны Сулимовой, «Магды», скромной женщины, дочери токаря одного из заводов в Николаеве. Ее путь в революцию начался в 1905 году. Когда узнаешь, что за испытания выпали на ее долю, какое мужество она проявила, занимаясь переброской оружия, диву даешься силе ее духа! А сколько было таких доблестных бойцов революции! В очерке перед читателями проходят Валериан Куйбышев, Николай Емельянов (у него впоследствии, в 1917 году, скрывался в шалаше Разлива Владимир Ильич Ленин), Людвиг Явейн и многие другие товарищи, «рядовые» партии, посвятившие жизнь борьбе.

В очерке «Инженер Винтер» Т. Леонтьева пишет о строительстве Шатурской электростанции — первенце электрификации. Здесь нет пафоса и возвышенных слов, все просто — и все героично и необыкновенно. На подмосковных болотах соорудили в ту пору единственную в мире электростанцию, работающую на торфе. И голодно и холодно было на стройке, и темнота и дикость вокруг, и поджигали эту электростанцию эсеровские агенты, и вновь отстраивали ее рабочие, съехавшиеся с разных концов разоренной страны. Рядом с Александром Винтером мы видим Роберта Классона, блестящего инженера-новатора, Леонида и Германа Красиных, Глеба Кржижановского, а также людей самых простых, вышедших из низов народа и выковывавших за время стройки самих себя, свой дух, свою волю.

Те, кто создавал в нашей стране автомобильную промышленность, строил метро, был одним из первых трудовых наставников рабочей молодежи, предстают перед нами в книге Тамары Леонтьевой. Люди, описанные автором, вызывают к себе любовь и глубокое уважение.

Ник. КРУЖКОВ

Тамара Леонтьева. Рассказы о коммунистах. М., «Молодая гвардия», 1975, 288 стр.

ОН ЖИВЕТ В КАЖДОМ СЕРДЦЕ

О. ШМЕЛЕВ

Фото Н. АНАНЬЕВА

Это было в Ленинграде осенью 1944 года.

Наш полк стоял на Поклонной горе. В полку остались только сержанты, старшины и офицеры. Мы ждали новичков — солдат, призванных с освобожденных территорий,— из-под Луги, Новгорода и Боровичей, из-под Пскова. Мы должны были их учить.

Наконец новобранцы примаршировали — пешим ходом. Это оказался самый различный народ, в большинстве уже немолодой. Сорокалетних мы, двадцатилетние, считали стариками и потому относились к ним снисходительно.

В наш стрелковый взвод, где я был командиром отделения, попали одни «старики». Отрядили мне мое отделение, пятнадцать человек, построил я их, отвел в сторону. Стали знакомиться. Обмундированы они были, прямо скажем, кое-как. Шинельки, конечно, не подогнаны, заправочка оставляет желать лучшего. Ну, да это дело поправимое...

Третьим на правом фланге стоял высокий человек с белесыми мохнатыми бровями, из-под которых глядели спокойно и немного грустно серые глаза. Над переносицей у него, между бровей, лиловел геометрически правильный кружок диаметром в гривенник, словно клеймо какое-то. Заинтересовавшись, я спросил:

— Что это у вас?

— Разрешите расстегнуть шинель? — спросил он.

— Расстегните.

Солдат отцепил два верхних крючка, сунул обе кисти под борт шинели, покопался там и протянул мне на жесткой ладони значок из белого металла и медную гаечку. Значок изображал профиль Ленина, очень точно выполненный. Я взял значок. Он был мал, но увесист. На оборотной стороне из оловянного наплыва торчал низенький, в полсантиметра, медный навинтованный штырь. Гаечка мягко накрутилась на него.

— Из чего это сработано? — спросил я.

— Нержавейка,— сказал солдат.

— Много изготовили?

— Девять штук.

— Почему не больше?

— Забрали в гестапо.

— Донес кто-нибудь?

— Да.

Я вернул ему значок с накрученной гаечкой.

Больше я его тогда ни о чем не спрашивал, не было времени, но спустя три недели мы продолжили разговор о значках.

Когда новобранцам пришел срок принимать присягу, мы накануне ходили с ними в город — по памятным местам революции. И возле Смольного я попросил солдата рассказать подробнее историю его шрама над переносицей. На этот раз он был чуть многословнее.

— Привели на допрос. Обер-лейтенант тремя пальцами вертит ленинский значок, усмехается: «Он же мертвый, а ты его сделал, как живого»... По-русски чисто говорит... А у меня подкатило что-то... Говорю: «Онто живой, ему сейчас всего семьдесят три годка»... Обер берет со стола пистолет — и стволом мне промеж глаз...

Солдат потом рассказал еще, как он спасся, убежав из комендатуры при налете партизан на их село.

Никогда не забуду, что для того солдата был Ленин живым, он ему и годы считал, как живому. Он прав. Сегодня Ленину сто шесть лет...

...С тех пор прошло много лет. Ленинград стал теперь совсем иным. Он удивительно помолодел, весь устремлен вперед, в будущее. Но в каждом сердце и в каждом камне живет нетускнеющая память о великом революционном прошлом, о вожде.

Рассмотрите фотографии на цветной вкладке — на вас повеет атмосферой душевного подъема. Эти снимки сделаны в разные годы, но в одну и ту же апрельскую пору.

...Вот звучит пионерская клятва перед Смольным.

Вот старый большевик Герой Социалистического Труда В. П. Виноградов рассказывает о встрече с Владимиром Ильичем.

...В почетном карауле застыли пионеры.

...И цветы. И радость жизни, за которую боролись и которую провидели Ленин и ленинская партия.

Исполняется восемьдесят лет со дня рождения Матэ Залка, венгерского писателя, воина, коммуниста. В 1920 году он вступил в регулярную Красную Армию, командовал батальоном, а затем полком. Сражался на Южном фронте и под Перекопом.

С 1924 года стали появляться в печати рассказы Матэ Залка. Их герои в большинстве своем бойцы и командиры Красной Армии, борющиеся за освобождение трудящихся.

Вершиной творчества писателя стало его последнее, самое крупное произведение — роман «Добердо».

Когда разразилась гражданская война в Испании, писатель Матэ Залка вновь взял в руки винтовку. Под именем генерала Лукача он командовал 12-й Интернациональной бригадой республиканской армии. Легендарный генерал Лукач отдал жизнь в борьбе с фашизмом за свободу и независимость Испании. Мы впервые публикуем по несколько сокращенной стенограмме воспоминания о Матэ Залка, с которыми в 1952 году выступил на вечере памяти героя известный советский писатель Борис Лавренев.

Фотографии Матэ Залка предоставлены журналу Натальей Матвеевной Залка.

Матэ Залка. 1935 год.

МАТЭ ЗАЛКА

Борис ЛАВРЕНЕВ

Осенью 1927 года из Москвы пришло письмо. Автором его был Матэ Залка. Он писал мне, что прочел в журнале «Звезда» мою повесть «Седьмой спутник». До этой минуты я Матэ лично не знал. Жили мы в разных городах — он в Москве, я в Ленинграде. Я только понаслышке, со слов молодого писателя Тверяка знал, что есть на свете венгерец, большевик, герой гражданской войны, такой Матэ Залка.

Еще мне было известно, что Залка пишет рассказы о гражданской войне.

Рассказы эти мне не попадались, я еще не читал их. По всей видимости, и Матэ до прочтения повести вообще ничего не знал обо мне. Так выходило по смыслу письма. Заинтересовало меня не то, что Залка хвалил мою повесть, а как он хвалил. Это было очень непохоже на похвалы профессиональной критики, вялые, скучные и равнодушные. В письме было большое человеческое тепло, внимание и интерес к обнаруженному в другом городе товарищу по профессии. У меня было такое ощущение, словно из Москвы протянулась дружеская рука с большой теплой ладонью, которая с искренней горячностью сжала и встряхнула мою руку.

Сделав несколько коротких, но очень наблюдательных замечаний по отдельным деталям повести, Залка заканчивал письмо так: «Все это только предисловие. Если вас интересует, приедете в Москву, встретимся. Самое важное я хочу сказать только глаз в глаз» (он так и написал «глаз в глаз»).

Месяца через полтора я приехал в Москву, позвонил Матэ, и мы встретились в тогдашнем литературном ресторанчике в полуподвале дома Герцена. Я уже сидел за столиком, когда вошел невысокий, крепко сложенный человек в военной форме с нашитыми на гимнастерку красными лапками, как у московских стрельцов. У него было мускулистое лицо очень здорового человека, коротко подстриженные усики над припухлой верхней губой. Но самое чудесное в нем были его глаза, теплые, серые, с мальчишеской искоркой непреходящей смешинки и лукавства, милые глаза душевного, открытого товарища.

И с первой фразы разговор пошел так, словно мы были знакомы несколько десятков лет. Пленителен был его нерусский выговор, мягкий, с неправильными ударениями, самая неправильность которых не смешила, как это бывает, когда слушаешь иностранца, нарушающего русское произношение, но еще более влекла к нему. Может быть, это обаяние речи шло от того, что он не старался говорить правильно.

Мы просидели за столиком несколько часов, и среди прочего он сказал мне то самое важное, о чем не сказал в письме. Ему больше всего понравилась в повести открыто прозвучавшая в ней тема патриотизма, любви к Родине, к России. Он высказал мысль, которая теперь широко известна и часто цитируется: «Мы все интернационалисты, но родная земля всегда должна оставаться для сердца первой любовью. Если не любить Родину, где ты родился, землю, соки которой питают твою кровь, небо, деревья, дома, то нельзя по-настоящему понять интернационализм и ту связь с другими народами, которая рождается из чувства к своей Родине. Без этого интернационализм — пустое слово».

...Когда я простился с ним на Тверском бульваре, я уже навсегда был очарован им. И это очарование усиливалось при каждой из наших нечастых встреч на протяжении того времени, которое он прожил среди нас. Помню, как горячо он поздравлял меня на премьере «Разлома» в Театре имени Вахтангова, как говорил о будущем нашей советской драматургии — богатой, полнокровной, верной жизненной правде и идеям партии.

Должен сказать без всякой ложной стыдливости, что любая, даже самая короткая встреча с Матэ, который сам был воплощением жизненной правды и глубокой преданности партии, освежала, как дыхание хорошего, чистого ветерка...

Не могу припомнить точно этого дня 1936 года, когда однажды вечером я услышал в телефонной трубке мягкий, задушевный голос Матэ: «Друг, ти дома? Я хочу посидеть с тобой немного».

Он приехал минут через пятнадцать в штатском костюме. Мне бросился в глаза и этот костюм, несколько мешковато сидевший на его небольшой, складной военной фигуре, и какой-то особенный блеск его глаз, и какая-то тоже особенная торжественность во всей его манере. Мы засели у меня в кабинете, на столике появилась бутылка коньяка. Время было уже ночное, часов около десяти вечера. Матэ необыкновенно разговорился. Он вспоминал свою молодость, службу в венгерской кавалерии, плен, далекую Сибирь и лагерь военнопленных, где окончательно складывались его политические убеждения, революционную пропаганду среди пленных, революцию, организацию мадьярского отряда Красной Армии, бои, поражения, победы.

Потом он заговорил о Венгрии. Он всей душой любил Венгрию, болел ее болью, страдал за ее судьбу; вспоминал незабвенные месяцы Советской власти в Венгрии, организацию венгерской Красной Армии, тяжелые дни борьбы и крушение революции под ударами венгерской буржуазии и интервентов.

И он рассказал мне тогда план трилогии, которую ему хотелось написать о своей родине. Трилогия должна была начаться с детства героя, мальчика из среднепомещичьей семьи. В первой части много места должна была занять природа Венгрии, ее степи, рощи, дунайские берега, прелесть старинных легенд и преданий о подвигах предков, о борьбе венгров за свою свободу и независимость.

Во второй части трилогии Матэ хотел рассказать собственную биографию и биографии своих товарищей, поднявших в сибирской земле знамя революции, которое потом победно развернулось над Венгрией.

И, наконец, третья часть посвящалась событиям Октября в Венгрии и разразившейся над венгерской революцией катастрофе.

Когда он говорил о последних главах трилогии, его жизнерадостные, всегда смеющиеся и зажигающие других весельем живые глаза потускнели, и было видно, что он с искренней мукой переживает в этой тихой вечерней комнате судьбу своей родины.

За разговором незаметно уходило время. Я посмотрел на часы. Было три с лишним часа утра. Надо было отдохнуть, и я предложил Матэ не ехать в гостиницу, а доночевать у меня на диване. Он помолчал, а потом совсем неожиданно сказал:

— Нет, дорогой... Надо на аэродром.

— Ты летишь? — спросил я.— Куда?

Он снова помолчал секунду. Посмотрел на меня пытливым, ласковым взглядом.

— Никому не скажешь?

— Что ты!

Матэ вынул из внутреннего кармана пиджака небольшую красную книжечку и протянул мне. Это был заграничный паспорт.

Я открыл его. Внутри была карточка Матэ, но текст гласил, что паспорт принадлежит Пацлю Лукачу. Я в недоумении смотрел на Матэ во все глаза. Он подмигнул мне и усмехнулся детски своей обаятельной, детски чистой улыбкой.

— Это я. Понимаешь? Я Лукач, а не Залка.

— Ничего не понимаю,— ответил я.

Он притянул меня к себе за лацкан и, продолжая улыбаться, сказал:

— Испания!.. Сейчас улетаю в Стокгольм.

Тогда я понял все. Понял, что он не мог оставаться в тылу, когда на испанской земле грохотали пушки и шла борьба за свободную Испанию.

Больше мы ни о чем не говорили. Я проехал с ним в машине до ворот аэродрома, и мы как-то особенно сурово, по-мужски обнялись и молча поцеловались.

Матэ скрылся в воротах.

Больше я не видел его. Видел только снимки в иностранных газетах и журналах, где генерал Лукач был снят на испанской земле в генеральской форме республиканской армии. С волнением читал я о его легендарной славе и, смотря на фамилию «Лукач», думал: «Это он, наш дорогой друг, солдат революции Матэ».

Так было до того утра, когда, раскрыв газету, я увидел короткие и сухие слова телеграммы: «На фронте под Уэской осколками снаряда убит командир Интернациональной бригады генерал Лукач».

Он с честью и славой прошел последний этап своего жизненного пути человека, прекрасного писателя, пламенного революционера, непоколебимого большевика, ленинца. И я горжусь тем, что он удостоил меня хорошей человеческой дружбой, горжусь тем, что последним на нашей земле обнял его, провожая в путь, принесший ему гибель и немеркнущую славу.

П. И. Батов, генерал Лукач и боец Интернациональной бригады. Испания, весна 1937 года.

Имя Эрнста Тельмана, выдающегося деятеля германского и международного рабочего движения, знает и помнит весь мир.

Он прошел путь от гамбургского докера, матроса, партийного и профсоюзного организатора до руководителя германского пролетариата. В 1925 году Эрнст Тельман возглавил Коммунистическую партию Германии. Под его руководством КПГ изучала революционный опыт партии Ленина, становилась подлинным авангардом рабочего класса Германии. Тельман был большим другом первой в истории человечества страны социализма, провозвестником той великой дружбы, которая связывает сегодня народы СССР и ГДР.

16 апреля ему бы исполнилось 90 лет. Мы публикуем сегодня несколько фотографий, запечатлевших облик бесстрашного борца, верного сына рабочего класса Германии. Снимки присланы в «Огонек» журналом «Фрайе Вельт». Их комментирует профессор Отто Шредер.

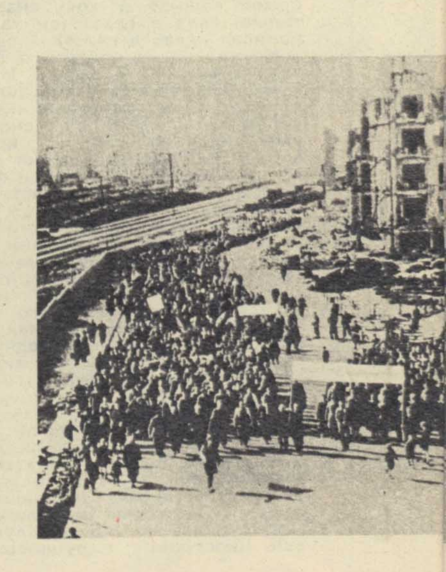
Э. Тельман на трибуне пленума Исполкома Коминтерна в декабре 1926 года в Москве. С этой трибуны прозвучали его слова: «Решающим вопросом для международного рабочего движения является вопрос об отношении к диктатуре пролетариата в Советском Союзе».

МГНОВЕНИЯ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

Сентябрь 1928 года. Эрнста Тельмана приветствуют трудящиеся Ленинграда. В Советской стране он повсюду находил горячую симпатию и братскую солидарность. В этих незабываемых встречах немецкий коммунист черпал новые силы для революционной борьбы, для популяризации идей социализма на родине Маркса и Энгельса.

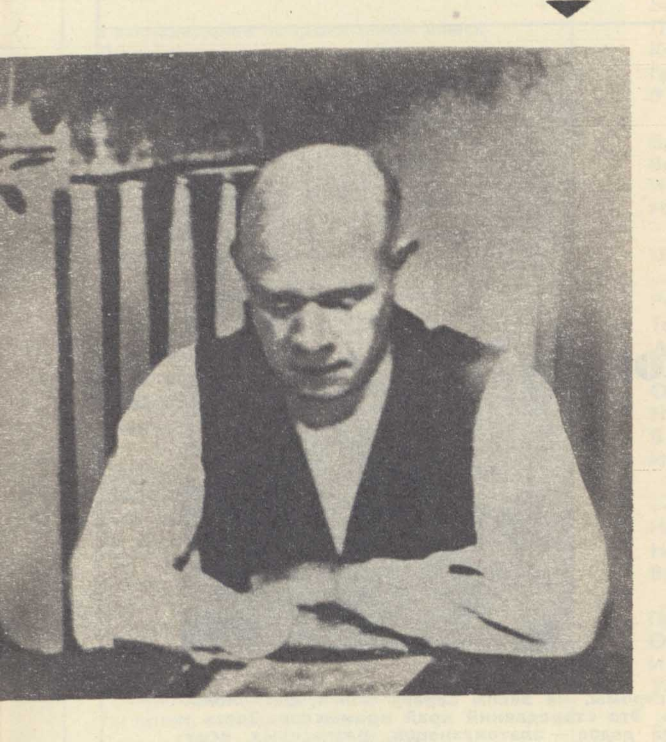
Во время работы VI конгресса Коминтерна Эрнст Тельман вместе с другими делегатами побывал на легендарном крейсере «Аврора». Команда корабля приняла его в свои почетные члены и вручила форму матроса-красноармейца. Тельман расписался в книге гостей. Если империалисты развяжут новую войну против Советского Союза, написал он, «клянемся вам, советские товарищи, революционные матросы и революционные рабочие, быть вместе с вами, выступать заодно с Советским Союзом. В эти часы нашим боевым призывом, нашим сигналом к бою будет «Аврора».

Этот снимок тайно сделан дочерью вождя рабочего класса Германии Ирмой в камере ганноверской тюрьмы в 1937 году. Одиннадцать с половиной лет провел Тельман в нацистских застенках. До последней минуты «секретный узник третьего рейха» сохранил верность коммунистическим идеалам. Из его записок и писем жене мы знаем, как укрепляло его волю к сопротивлению каждое известие из Советского Союза. Он до конца остался верным другом Советской страны. Когда гестаповцы пытались поколебать его веру в Советский Союз, Тельман отвечал: «СССР существует уже двадцать лет. «Третий рейх» не продержится столько же».

И в трудные для Советской страны дни, когда гитлеровская армия подступила к Волге, его вера в непобедимость Советского Союза и Красной Армии была неколебима. Нацисты уже били в колокола, ожидая «блестящей победы» под Сталинградом. Один из палачей заявил Тельману: «России конец! Она разбита и побеждена. Что вы теперь скажете!» Тельман, изнуренный пытками, окончательно подорвавшими его здоровье, ответил спокойно, уверенно и твердо: «Фашистская армия найдет в Советском Союзе свой конец!»

В его письме товарищу по заключению, написанном незадолго до гибели, есть такие слова: «Моя жизнь и труд были направлены только на благо трудящегося немецкого народа, мои знания, сила и опыт, моя деятельность — все существо мое было отдано борьбе за будущее Германии, за победу социализма, за свободу, за новый расцвет немецкой нации».

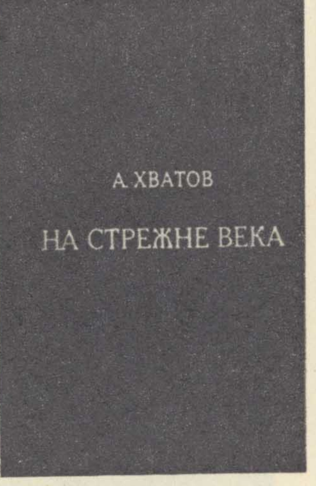

И вот 30 лет назад, в апреле 1946 года, на улицах Берлина в один могучий поток слились колонны коммунистов и социал-демократов. Осуществилась мечта Э. Тельмана о партии нового, ленинского типа, которая возьмет в свои руки построение социализма на немецкой земле. Этим авангардом стала Социалистическая единая партия Германии.

Великое дело, за которое боролся Эрнст Тельман, победило в Германской Демократической Республике — первом немецком государстве рабочих и крестьян.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ШОЛОХОВА

Сказать новое слово о М. Шолохове, величайшем художнике современности, задача не из легких. И не потому только, что за более чем полувековой срок написано о нем очень много, но и потому прежде всего, что художественный мир, созданный им, поистине необъятен и неисчерпаем, требует все новых и новых прочтений и усилий исследовательской мысли.

Книгу А. Хватова «На стрежне века» выгодно отличает то, что можно было бы назвать пафосом любви. Нельзя не увидеть — эту книгу писал человек, влюбленный в шолоховский мир, его героев, исследователь, всецело разделяющий взгляды великого писателя. Достоинство это немалое, если вспомнить, что на долгом и трудном пути изучения творчества М. Шолохова встречались не только критики доброжелательные.

Нет слов, шолоховедение последних десятилетий добилось весьма значительных успехов. Эти достижения предшественников самым внимательным образом учитываются А. И. Хватовым. Он в полную меру пользуется правом выбора проблем, которые представляются еще недостаточно освещенными, спорными или получившими искаженное толкование. Несомненно и умение автора в новом ракурсе ставить и те вопросы, которые по сложившейся уже традиции считаются решенными.

Сказанное имеет отношение ко всем разделам книги, и в частности, к главе «От «Донских рассказов» к «Тихому Дону». В отличие от многих критиков, писавших о первом периоде творчества М. Шолохова, А. Хватов стремится подчеркнуть не столько жестокость и «звероватость» натуры персонажей «Донских рассказов» (некоторые из этих свойств не могли не проявиться в жесточайшей классовой борьбе), сколько то, как М. Шолохов изобразил безграничный в своей глубине духовный мир простого человека, сумел поведать о высоких нравственных качествах его характера.

Этапы творческого пути М. Шолохова исследуются автором в широчайшем контексте как русской, советской, так и мировой литератур. В этой связи шолоховские произведения сопоставляются с такими повестями и романами, как «Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Барсуки» Л. Леонова, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, «Жан Кристоф» Р. Роллана, «Доктор Фаустус» Т. Манна, «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя. В этом сопоставлении литературовед стремится показать и то, что сближало М. Шолохова с писателями, которые, как и он, пытались воссоздать наиболее значительные события эпохи, так и то принципиально новое, что отличало автора «Тихого Дона». Речь идет в данном случае и о подлинно новаторской жанровой форме его произведений и о поистине толстовском стремлении М. Шолохова не только «захватить все», но и «дойти до корня» в изображении ведущих закономерностей исторического развития мира и человека на самых крутых перевалах эпохи.

В центре внимания А. И. Хватова один из ключевых и остро дебатируемых вопросов — вопрос о природе шолоховского историзма. Он решительно возражает тем критикам, которые, анализируя «Тихий Дон», пытаются решать проблему историзма лишь в узких рамках прототипов, в выявлении сходства и различия между документом и его отражением в романе. А. И. Хватов не отрицает важности фактов из подлинных биографий исторических лиц и документов, изученных и использованных М. Шолоховым в его эпопее. Но акцент в этом случае делается исследователем на то, какое творчески оригинальное преломление и воплощение находят они и в историко-философских размышлениях повествователя и в сознании, психике, индивидуальных судьбах героев — представителей самых разных классов, прослоек и групп.

Заслуживает внимания и нашедшая в книге место полемика автора с теми литературоведами, которые в истории рода Мелеховых склонны видеть преимущественно одну тему — тему распада и гибели. «Было бы неверно, как это делает, например, Б. Дайреджиев,— пишет А. И. Хватов,— трактовать образ Ильиничны только как «символ гибели патриархального строя отношений», как «последний могикан бесповоротно осужденного историей отжившего быта». История открыла широкий простор для проявления тех традиций, нравственных качеств и понятий, которые составляют русский национальный характер, которые Ильинична сама воплощала и видела в своем младшем сыне». В этом же аспекте рассматривается образ Натальи, олицетворяющий женственность, поэтичность, истинно народное представление о нравственном и прекрасном.

Свой взгляд у А. И. Хватова и на трагедию Григория Мелехова. Этой, безусловно, центральной проблеме «Тихого Дона» посвящена глава «На грани в борьбе двух начал». Две традиционные точки зрения на трагедию Мелехова не разделяются автором книги. Приверженцы одной из них расценивают ее как трагедию человека, оторвавшегося от народа, другие трактуют ее как трагедию исторического заблуждения. Если в первом случае перед нами отщепенец, то во втором все сводится к субъективной вине личности. А. И. Хватов убежден, что «проблема «человек и история» ставится в «Тихом Доне» как проблема ответственности личности перед историей и истории перед личностью». Вопрос о трагическом, таким образом, рассматривается литературоведом «как столкновение между старым, выступающим подчас в обличье крайней революционности, и личностью, олицетворяющей высокие нравственные ценности, порожденные условиями трудовой жизни, выработанные нацией на ее многовековом историческом пути».

В краткой рецензии нет возможности остановиться на всех разделах этой весьма интересной, содержательной и актуальной книги. Заметим лишь, что в главах, посвященных «Поднятой целине», художественному творчеству и публицистике М. Шолохова военных лет, рассказу «Судьба человека», выступлениям писателя по вопросам искусства, содержится много нового и остро проблемного. Это имеет отношение и к новым главам, написанным А. И. Хватовым ко второму изданию книги, в которых говорится и о «шолоховском направлении» в советской литературе и о том, как складывалась оценка М. Шолохова за рубежом.

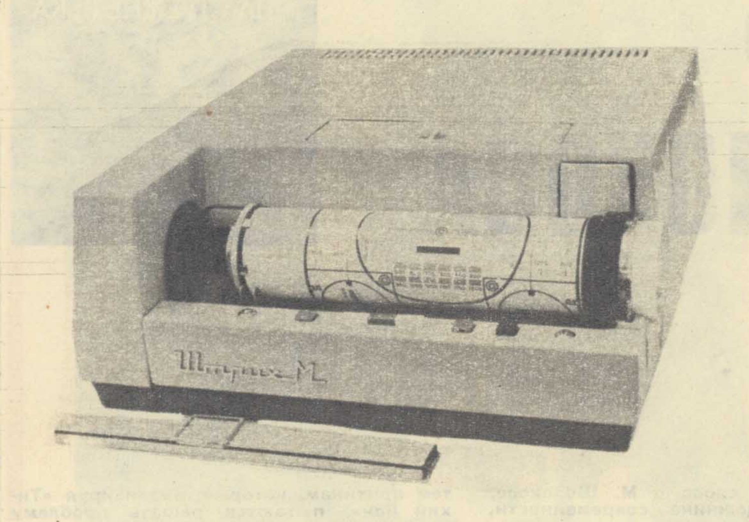
Несомненно, что книга А. Хватова вызовет интерес у всех, кому дорог художественный мир шолоховских образов.

В. ГРЕЧНЕВ

А. Хватов. На стрежне века. Издание второе, дополненное. М., «Современник», 1975, 478 стр.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПОЧТАЛЬОН

КИЕВ

Слово «факсимиле» латинского происхождения. Означает оно «делай подобное». Сейчас это слово взяли на вооружение связисты. Они приступили к использованию факсимильного аппарата, с помощью которого можно передавать графические и полутоновые изображения. Абонент на приеме получает точную копию переданного документа с полным сохранением его особенностей — почерка, печати и т. д.

Создали современный факсимильный аппарат «Штрих» ученые Украины. Аппарат передает изображения по линиям и телефонным каналам связи на любое расстояние. Подключается «Штрих» параллельно телефону. Теперь, поговорив с абонентом в каком-либо далеком городе, можно тут же передавать и принимать чертежи, рисунки, таблицы, печатные, рукописные и машинописные тексты, выполненные на любом языке, исключая при этом какие-либо ошибки.

Такие аппараты есть и за рубежом, но «Штрих» передает изображения с более высокой скоростью. Запись идет на обычную писчую бумагу чернилами для авторучек. Аппарат прост, удобен.

Например, вам надо ознакомить инженера в Новосибирске с каким-либо чертежом и вы знаете, что у него тоже есть аппарат «Штрих». Вы закрепляете чертеж в специальном устройстве своего аппарата и, как обычно, заказываете телефонный разговор с Новосибирском. Поговорив с абонентом, нажимаете на аппарате кнопку «передача», а ваш собеседник нажимает кнопку «прием». Факсимильные аппараты включаются в работу, а телефонные тут же автоматически отключаются от канала. Через четыре с половиной минуты новосибирец получает точную копию чертежа. По окончании приемопередачи аппарат автоматически отключается от линии, и вы продолжаете разговор...

Велика роль аппарата при организации автоматизированных систем управления. Предприятия, находящиеся в одном или разных городах, имеют возможность быстро обмениваться необходимой информацией — передавать деловые документы, схемы, приказы, данные для обработки на вычислительных центрах. «Штрих», ставший своеобразным электронным почтальоном, уже получил признание на предприятиях министерств черной металлургии, строительства, здравоохранения.

В. КОРОЛЬ,
начальник Киевского отделения Центрального научно-исследовательского института связи

НАХИЧЕВАНСКАЯ АССР

Архитектор Акиф Касумов у проекта турбазы в горах.

Фото автора

ЗАОБЛАЧНЫЙ ЗАМОК

В старину модно было строить замки. Возводили их на вершинах гор и скал, обнося укрепленные жилища неприступной зубчатой стеной с бойницами. А наш век — время каменных и железобетонных небоскребов. Здание, о котором я хочу рассказать, тоже вознесется в синеву неба. И, рассматривая фрагменты проекта, с четко обозначенной симметрией фасадов и этажей, большими оконными проемами-витражами, так и хочется сравнить его с заоблачным замком. Речь идет о туристской базе ВЦСПС, проект которой разработан в бакинском отделении института «Союзкурортпроект».

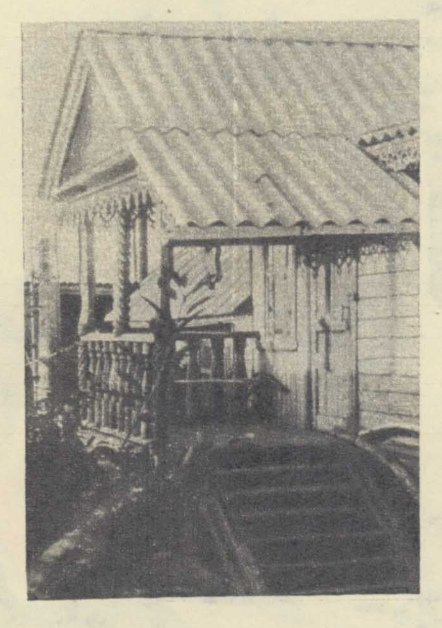
Слышали ли вы о местечке Бата-Бат в Нахичеванской АССР? Удивительно живописен этот уголок. Настоящий рай для туристов. Зимой земля покрывается снегом, а озера — толстой коркой льда. Так что туристы могут кататься на лыжах и коньках, а летом — любоваться красотой гор и пестрым безбрежным морем альпийских лугов, загорать на пляжах и купаться в озерах.

«Бата-Бат» — турбазу там построят в этой пятилетке — станет одним из самых высокогорных в стране приютов для туристов. Его корпуса словно повиснут над облаками — три тысячи метров над уровнем моря! Комфортабельный отель примет сразу 400 человек. Столько же мест будет в ресторане и зимнем кинотеатре! Интерьеры холлов оденутся в мрамор, стекло и травертин. Национальная чеканка и мозаичные панно придадут живописный колорит.

Г. ПОГОСОВ

КОСТРОМА

ДОМ НА РАКЕТНОЙ УЛИЦЕ

Недалеко от Костромы, на левом берегу Волги, расположилось село Красное. Это стародавний край промыслов. Здесь и поныне царит дух дедов — златокузнецов, развеселых игрушечников и выдумщиков. В селе этом на Ракетной улице дома отличались добротностью. И лишь один, как гадкий утенок, портил весь вид. Соседи порой ехидничали: «А хозяин-то — плотник!..» И вот превратился домишко в прекрасный терем, изукрашенный, будто кружевом, сканью. Только не серебряной, а деревянной. На фасаде дома резные полотенца. На высоком расписном крыльце плетутся столбики, свисают с навеса витиеватые завитки. Стропила похожи на лосей, тянущихся к сочной траве.

Хозяин дома, Александр Васильевич Марков, ведет меня в свою домашнюю мастерскую. Прижался к стене верстак. Из ящика выглядывают ножовка, стамески, топор, в глаза бросается самодельная механизация. Ножная лобзиковая пила: свисает с потолка веревка с пружинами, а к ней пилка привязана.

— Рисунок иногда в книгах ищу, иногда сам придумываю,— рассказывает Александр Васильевич.— Ломали как-то в Веселове домишко, мне запомнился затейливый наличник. А вот деревянный завиток от старинного зеркала храню. Думаю, сгодится для примера. В Кострому не раз ездил, альбомы в магазинах смотрел. Книга у меня есть хорошая: «Русская народная резьба и роспись по дереву»... Отец мой по деревням плотничал, и я к его ремеслу пристрастился. Сейчас работаю плотником на Красносельском ювелирном заводе.

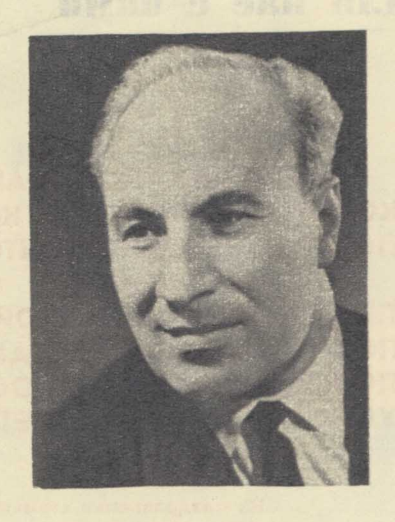
А как с домом получилось? Соседи да и жена «заели». Не выдержал, самолюбие взыграло: начал мастерить. Светелку сделал, фасад украсил, ворота приспособил, крыльцо. Теперь о внутреннем оформлении надо подумать.

Не только для себя работает мастер. Его резьбу можно увидеть и на соседских домах, резьбу, которая так красит Красное село.

А. ХАРЧЕНКО,
фото автора

Адам ШОГЕНЦУКОВ

Звезды рассвета

ВОСХОЖДЕНИЕ

Движется поток людской, течет,
Словно по равнине русской Волга,
Так вот речку горную влечет
К звездам молодым дорогой долгой.

Движется поток —
Стучат сердца
Миллионов новых поколений,
Чувство братства, верность до конца
Слышится мне в том сердцебиенье.

В восхожденье непреклонном ввысь
Люди поднимаются к вершине,
Ленинскою мудростью
Всю жизнь
Их сердца освещены отныне.

К Ленину людской поток течет.
Жизнь идет;
Земле в просторы мчаться...
Светом мысли ленинской с высот
Звезды негасимые лучатся.

СУХУМИ

Вот утихло море, стихли звуки
Волн — их укачали зори.
И свои натруженные руки
Моешь ты, Сухуми, в этом море.

Словно покоряясь светлой думе,
Море твое радостью светилось.
Имя сохранив свое — Сухуми,
Ты судьбу былую не корило.

И утих у ног твоих могучий
Вал — в тебе была такая сила.
Шторм ревел, клубились тучи —
Солнце все равно тебе светило!

Аромат цветов отдав просторам,
Ты полно величия и света.
Пальмы под нетающим убором
Целый год оберегают лето.

Сердце, распознав тебя, Сухуми,
Расцвело весенним цветом смело.
В звоне листьев и прибойном шуме
Песня в грудь вошла — и зазвенела.

СОВЕТ

На лице твоем давно морщины,
Наступает старости пора,
Тело ослабело, как пружина,
Но в золе есть угли для костра!

Если молод, кручи перевала
Не страшны тогда тебе вовек,
А взлететь, когда душа устала,
Может только сильный человек.

Много испытать тебе досталось —
Трудно было так, что не вздохнуть.
Все же, невзирая на усталость,
Продолжай к вершинам снова путь.

И не дай глазам своим погаснуть —
Это звезды гаснут в свете дня,—
Грусти боль,
Свет радости прекрасной
В сердце нестареющем храня.

И тогда надеждой — не печалью
Будешь жить, ступив на перевал,
И от сердца, схваченного далью,
Снова отодвинется причал.

ГУДИТ БАКСАН

Баксан-река — души моей мотив,
Певучая и молодая сила.
Как каменщик, путь в скалах прорубив,
Громады волн
В долины покатила...

Вдруг вижу я не речку — ручеек.
Все ж, как вчера, в поля и перелески
Несется мелкий весело поток,
На перекаты сбрасывая всплески.

И вот спросил в тревоге я:
— Баксан,
Родной Баксан, ну, отчего волною
Ты не звенишь, не жмешься к берегам,
А лишь обходишь глыбы стороною?..

Ответила река, как человек,
Не в силах оторваться от работы,
В прохладу трав и листьев спрятав бег,
Исполнена торжественной заботы:

— Ты посмотри на золото хлебов,
На буйное обилье урожая,
На звезды ягод и плоды садов,
Ведь влагу эту я им посылаю!

Прислушайся к гуденью проводов,
Озвучивших поля и перелесья,
И ты услышишь гул моих валов,
Увидишь ты моих быстрин созвездья...

Гудит Баксан. И путь его далек,
Его потоки стали спелым хлебом,
Ток проводов рассветами истек
И сполохами звездными под небом.

ЗДЕСЬ ЖИВУТ ПТИЦЫ

Сколько здесь птиц — не сочтешь!
Столько — как ягоды летом.
Слышишь ты птичий галдеж
Ночью, и днем,
И с рассветом.

Птицы здесь в чащах живут
Рядом с лесной тишиною.
Певчие птицы поют
Осенью, летом, весною.

Птичьи звенят голоса,
Песни звенят без простоя,
Их повторяют леса,
Их повторяют просторы.

Песни поют пусть они
С каждой зарею чудесней.
Пусть и в печальные дни
Жизнь озаряется песней!

СУМЕЮ ЛИ?..

Сумею ль свое сердце удержать,
Чтоб сердца твоего вдруг не коснуться,
Когда, как в дом родной, к тебе опять
Хотел бы я, любимая, вернуться?

Сумею ль оградить свои глаза,
Чтоб ты в них никогда не отразилась,
Когда упала в них ты, как гроза,
И в зрение мое преобразилась?

Сумею ли я от тебя уйти,
Когда на все одним мы смотрим взглядом?
Когда с тобой мы одного пути
Две стороны, и вдаль идем мы рядом!

Перевел с кабардинского
Владимир ЦЫБИН.

ВЫСОТА ПОДВИГА

Герою Советского Союза, летчику, генералу Кубати Карданову.

Отец твой пахарь был. Быками правя,
Он шел за плугом. От его борозд
Взлетел ты в небо, нашу землю славя.
А внук твой следом долетит до звезд.

Овеянные солнцем и веками,
Над высью гор и далью всех дорог,
Твои мечты парили облаками.
Поэтому и подвиг твой высок.

Летели годы не в тени долины —
Их ветер бил, их жег небесный зной...
Поэтому блестят твои седины
Нетающей нагорной белизной...

И на земле и в голубом просторе
Твой труд и счастье слиты до сих пор,
И ты, крылатый, мчишься, с ветром споря,
И гул турбин летит над цепью гор.

Твой Млечный Путь горит над бездорожьем.
А на земле привычной и простой,
Надежной, словно горное подножье,
Ты дышишь светлой звездной высотой!

ЗВЕЗДЫ РАССВЕТА

Свет необыкновенный —
Звезд распустившихся свет,
Небо несет по вселенной,
Словно алмазный букет...

Как они медленно тают
В пламени алом зари!
Солнце взойдет — исчезают,
Нет их, как ни смотри!..

А незакатные звезды
Нам подарила земля.
Свет их навечно запомни —
Вот он, на башнях Кремля!

Блещет гирляндой живою —
Видите, видите вы?!
Поднят над головою
В добрых руках он Москвы.

Перевел с кабардинского
Юрий АЛЕКСАНДРОВ.

«СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ЗАВЕРШЕНИЕМ ПУСКОВОГО КОМПЛЕКСА КРУПНЕЙШЕГО В СТРАНЕ ЗАВОДА ПО ПРОИЗВОДСТВУ БЫТОВЫХ КОНДИЦИОНЕРОВ...

ОРГАНИЗАЦИЯ В СТРАНЕ КРУПНОМАСШТАБНОГО ПРОИЗВОДСТВА НОВОЙ БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ ЕЩЕ РАЗ ПОДТВЕРЖДАЕТ НЕУСТАННУЮ ЗАБОТУ НАШЕЙ ПАРТИИ О ПОВЫШЕНИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАРОДА, УЛУЧШЕНИИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ».

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из поздравления строителям, монтажникам, эксплуатационникам, проектировщикам, всем участникам сооружения Бакинского завода бытовых кондиционеров.

Ия МЕСХИ,
фото В. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

В Баку построен завод производительностью 400 тысяч бытовых кондиционеров в год. 400 тысяч — это, разумеется, на первых порах. С годами вырастет вторая очередь — и будут выпускать миллион.

Нажиметдин Ахмедов, руководитель партийной организации Наримановского района, на территории которого произошло это событие, комментирует его так:

— Наш район промышленный. Завод на заводе, семьдесят две строительные организации, валовой продукции в год на миллиард рублей. Но мы, бакинцы,— нефтяники с головы до пят, и промышленность у нас тоже в основном подчинена нефти. А такая промышленность, как известно, не требует очень уж высокого технического класса. Мы же хотим делать что-то более тонкое, высокотехничное. Желание такое появилось давно. Принялись развивать электротермию, начинаем строить завод электродвигателей. А вот теперь еще на несколько ступеней вверх поднялись — завод бытовых кондиционеров с автоматической системой управления, с компьютерной техникой. Нам поручили построить его за три года — мы построили за два... Кондиционеры очень нужны людям, и правительство закупило необходимое оборудование за рубежом, а облеченные доверием бакинцы (это дело их чести!) старались выполнить задание как можно лучше и быстрей...

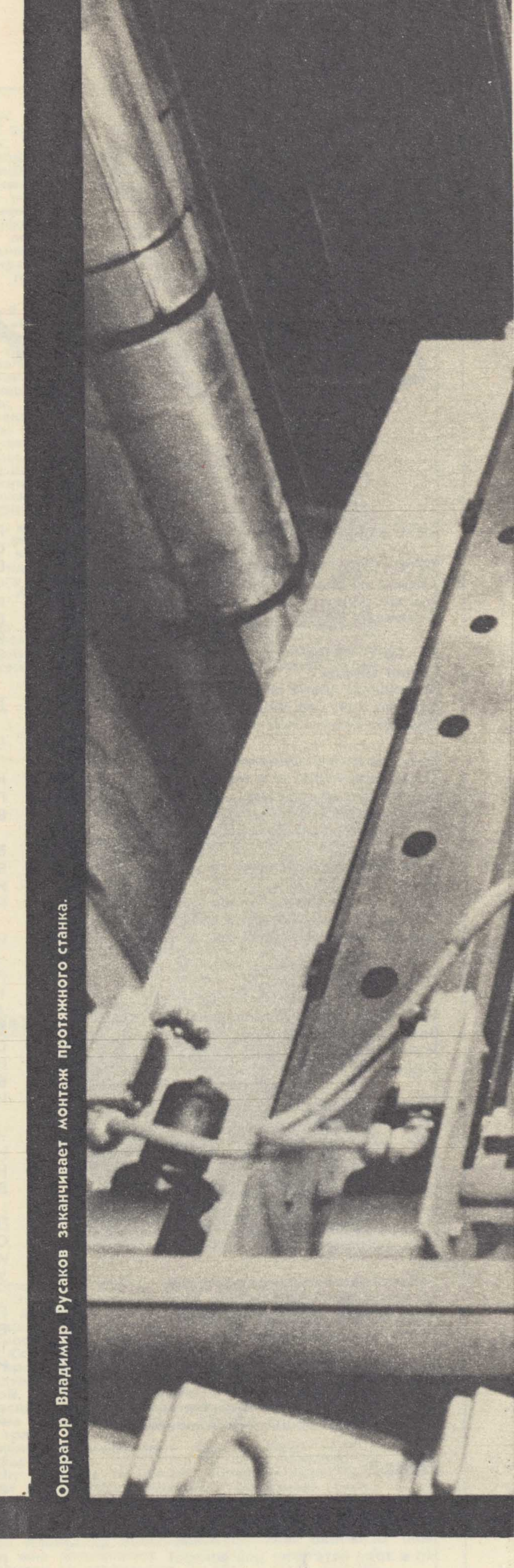
Вот они, эти сорок заводских гектаров, на которых уже стоит целый городок — профтехучилище с жилыми и учебными корпусами, мастерскими и спортивными сооружениями, стоит крупная котельная с десятикилометровым газопроводом, инструментальное производство высокого класса, довольно тонкое литейное производство, несколько других заводских зданий и, наконец, главный корпус. Громадные, просторные цеха. Десятки автоматических линий. Начищенные до блеска плиточные полы.

...Инженер Санан Ахундов пришел из института на Бакинский электромашиностроительный завод помощником мастера. Через некоторое время сюда прислали автоматическую линию и стали ждать наладчиков. Санан доказал, что линию можно наладить самим. Организовал бригаду из смекалистых рабочих. Это была первая бригада коммунистического труда в Азербайджане. Потом он стал начальником цеха, заместителем главного инженера завода... Наверно, много обдумывали, взвешивали, прежде чем остановили свой выбор на Санане Ахундове в качестве директора завода бытовых кондиционеров. И строил Ахундов его с первого колышка. Ездил за рубеж на подобные же предприятия, пока не заключили контракт с японской фирмой «Тосиба».

И теперь, когда завод уже пущен, когда заводское СКТБ уже подыскало 250 отечественных аналогов на материалы, из которых делается прибор, директора заботит трудная проблема:

— Кадры! Люди! Им ведь делать прибор...

Профтехучилище уже выпустило 550 обученных рабочих, около ста из них — наиболее способные — прошли стажировку на советских предприятиях. В Тольятти, на ВАЗе и на некоторых других заводах обучались специфическим профессиям 320 бакинцев. Около сотни высококвалифицированных мастеров прислало на завод Министерство электротех-

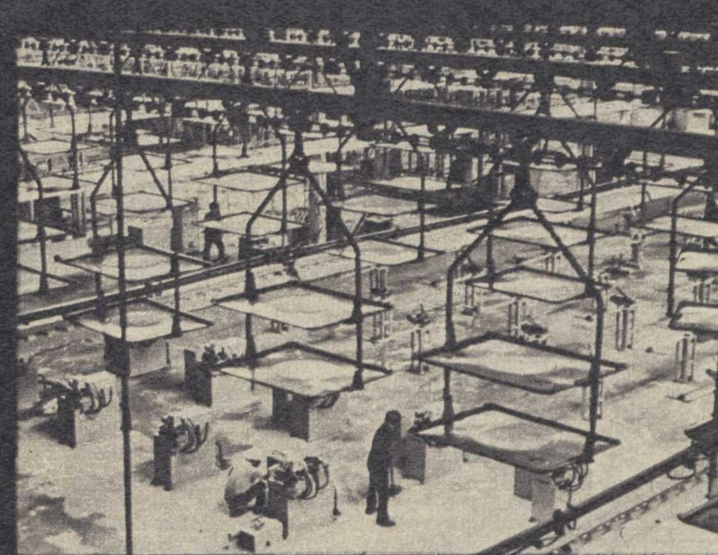

Оператор Владимир Русаков заканчивает монтаж протяжного станка.

БАКИНСКИЕ КО

Директор завода, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР Санан Ахундов.

Подвесной конвейер.

Практическое занятие с будущими создателями кондиционеров — учащимися профессионально-технического училища — ведет старший мастер участка Атеш Ибрагимов.

НДИЦИОНЕРЫ

нической промышленности СССР со своих предприятий.

— У нас будут чистить и мыть,— говорит Санан Ахундов, — даже тогда, когда не видно и пылинки. Но не видно-то глазу, а глаз не совершенство! Посмотрите на стены корпуса: стыки промазаны мастикой, чтоб ни одной щелочки. Все должно быть герметизировано. Воздух, естественно, кондиционированный. В этом цехе, например, где требуется особая точность изделия, надо соблюдать строжайшие температурные параметры... И знаете, что страшно в этой великолепно сотканной паутине из автоматических линий? Вдруг на выходе обнаружится брак. Где он случился? Попробуй разобраться!..

...Из-за стола поднимается японский мастер. Здоровается с директором. Спрашиваю, как здесь живется-работается.

— Я впервые за границей,— говорит Канаява Эйджи.— В нашей фирме работают семьдесят тысяч человек, у нас много разных заводов-заказчиков. Но Бакинский завод бытовых кондиционеров — один из крупнейших, здесь все сосредоточено в одном месте. И я ехал сюда с большой радостью.

А теперь еще немного о кондиционере. О нем рассказал нам Саид Султанов — начальник специального проектно-конструкторского и технологического бюро завода. По данным зарубежных исследователей (своих данных СКТБ еще не имеет, но будет иметь), содержание углекислого газа в современных жилых квартирах достигает 0,1—0,56 миллиграмма на литр при норме 0,002 миллиграмма на литр. По тем же данным, комфортным считается воздух, который содержит не более 70—80 частиц пыли в кубическом метре.. А практически в жилых помещениях содержание пыли достигает 600 миллионов частиц на кубометр. Для здорового микроклимата имеют также большое значение влажность воздуха и скорость воздушного потока.

Со всеми этими делами и справляется кондиционер. Он охлаждает воздух примерно на 10—12 градусов, поддерживая температуру автоматически. Он уменьшает влажность, очищает воздух от пыли, создает необходимую скорость потока. Представляете, как нужен он в больничных палатах, в спальнях детских яслей и садов, в школьных классах и студенческих аудиториях, в комнатах отдыха на горячих производствах, в кабинетах ученых, в учреждениях и, разумеется, дома, куда человек приходит усталый и должен, обязан отдохнуть для завтрашнего дня.

Каждому понятно, что самая хорошая среда для человеческого бытия — воздух естественный, чистый, без выхлопных газов автомашин, воздух полей, гор, леса, моря. Но что делать, если мы скапливаемся в тесных городах, да еще к тому же становимся домоседами? Здесь нам должен помочь кондиционер.

— Как же он выглядит?

Ящик, почти как телевизор, его встраивают в окно или под окном, чтобы передний отсек находился в комнате, а другой, который рассеивает тепло, выходил наружу. Бакинцы будут выпускать два кондиционера: производительностью по холоду на 1500 килокалорий и на 2500 килокалорий в час. Первый охладит комнату размером 25 квадратных метров. Второй — побольше.

Начальник СКТБ включает прибор:

— Шумит?

— Чуть-чуть шумит...

— Но терпимо, мягко, да?

— А можно, чтобы совсем не шумел?

— Над этим нам предстоит поработать.

— Они будут продаваться в магазинах?

— Только в магазинах, через торговую сеть. Кое-кто уже сдал заявки. Туркмения, например, на двенадцать тысяч штук. Стоимость? Наверно, рублей четыреста. Дороговато? Но вспомните, как мы покупали первые холодильники,. пылесосы, телевизоры! Комфорт требует некоторых жертв...

* * *

Остается добавить немногое: теперь один бакинский магазин № 57 уже продал сотни бытовых кондиционеров. А ведь не только здесь торгуют продукцией нового завода. Вскоре эти кондиционеры появятся в магазинах других городов страны.

ВДОХНОВЕННЫЙ ПОИСК

«...Вы вдохновитесь на новые искания...» Эти слова Владимира Ильича Ленина, сказанные им в первые годы революции академику С. Ф. Ольденбургу, приводят в своей книге «Время, ученые, свершения...» Вера и Виль Дорофеевы. Их книга о мудром отношении нашей партии к науке, государственной заботе о ней, о вдохновенном творческом поиске ученых.

Хмурым январским днем восемнадцатого года в подъезд дома № 5 по Университетской набережной в Петрограде спокойно и неторопливо вошел непривычный посетитель в кожаной куртке и сапогах. Он прямо проследовал в приемную непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга. «Какую работу могла бы выполнять академия по заданиям Совета Народных Комиссаров?» — деловито поставил вопрос посланец Советов.

Это было то время, когда по стране гремели лозунги «Земля — крестьянам!», «Фабрики и заводы — рабочим!». А наука, знания? Здесь все оказалось сложнее и одного лишь решительного декрета было недостаточно. «Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда,— говорил В. И. Ленин наркому просвещения А. В. Луначарскому,— а это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более проклятыми вопросами. Найдется у вас какой-нибудь смельчак, наскочит на Академию и перебьет там столько посуды, что потом с Вас придется строго взыскивать».

Советской власти, как хлеб и топливо, необходимы были высокообразованные люди. В. И. Ленин понимал это лучше, чем кто-либо другой.

24 января 1918 года состоялось экстраординарное заседание общего собрания академии. Академия выразила согласие вести научную работу «в связи с различными государственными задачами настоящего времени».

В апрельские дни 1918 года В. И. Ленин пишет «Набросок плана научно-технических работ». В нем всего полторы странички текста, но многое из него ляжет в основу деятельности советских ученых на десятилетия.

Бумажный голод, как и голод продовольственный, шел по пятам Советской власти. Но В. И. Ленин дает указание ускорить издание монументального труда Комиссии по изучению естественных и производительных сил страны, созданной при Академии еще в 1915 году. И в кратчайший срок увидели свет шесть томов: «Ветер, как двигательная сила», «Белый уголь», «Артезианские воды», «Полезные ископаемые», «Растительный мир», «Животный мир».

Эти работы имеют прямое отношение к перестройке народного хозяйства. Но вот академик С. Ф. Ольденбург, тот самый ученый, что беседовал с посланцем Советов, занимался проблемами истории и культуры древней и средневековой Индии. Интервенция, гражданская война, разруха и... индология. Как соединить все это?

Владимир Ильич Ленин не преминул сказать при встрече Сергею Федоровичу: «Идите в массы, к рабочим и расскажите им об истории Индии, обо всех вековых страданиях этих несчастных, порабощенных и угнетенных англичанами многомиллионных масс, и вы увидите, как отзовутся массы нашего пролетариата. И сами-то вы вдохновитесь на новые искания, на новые исследования, на новые работы огромной научной важности».

Авторы книги приводят интересные малоизвестные факты, редкие документы. Перед глазами читателя проходит блестящая галерея ученых, чьи имена знает весь мир. Великий Павлов, стоявший у колыбели советской науки; «нефтяной комиссар» И. М. Губкин; глава целой школы физиков А. Ф. Иоффе; воспитанники этой школы П. Л. Капица и Н. Н. Семенов; братья Вавиловы — физик Сергей Иванович и генетик Николай Иванович, совершившие свой научный подвиг; прославивший советскую атомную физику И. В. Курчатов; порвавший цепи земного притяжения С. П. Королев; его соратник — всемирно известный математик М. В. Келдыш... А вот и новое пополнение — А. С. Спирин, академик, директор Института белка, и самый молодой в мире вице-президент Академии наук Ю. А. Овчинников. Ученые передают друг другу вечную эстафету научного поиска.

Книга написана ярко, образно, взволнованно. Все события, свершающиеся в науке, показаны авторами через человека-исследователя. Каждый ученый принадлежит своему времени, обладает определенным творческим почерком, непохожим на других характером. Но всех героев объединяет научный поиск, те самые «вдохновенные искания», о которых говорил академику С. Ф. Ольденбургу В. И. Ленин. Ленин понимал, видел, чувствовал огромную роль, которую предстояло сыграть науке в развитии нового государства.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Вера Дорофеева, Виль Дорофеев.— «Время, ученые, свершения...». М., Политиздат, 1975, 288 стр.

ГОРНЯКИ

Роман «Рудознатцы» завершает трилогию Георгия Лезгинцева о труде добытчиков золота и алмазов в Сибири и Заполярье. В «Рудознатцах», как и в предыдущих частях трилогии — романах «В таежной стороне» и «Инженер Северцев», автор разворачивает перед читателем широкую панораму социально-экономической жизни страны.

Г. Лезгинцев пишет о времени, когда на повестку дня стали проблемы управления народным хозяйством, вызванные требованиями научно-технического прогресса, требованиями самой жизни.

Главный герой романа, заместитель председателя совнархоза Северцев,— опытный работник, наделенный, вероятно, чертами автобиографическими (сам Г. Лезгинцев — горный инженер). Он ясно видит недостатки в управлении подведомственным ему сложным и разноотраслевым хозяйством, с горечью констатирует несостыкованность его основных узлов. Северцев оказывается не в состоянии своей властью переместить даже драгу, стоящую без дела на одном из рудников, на другой, который в ней остро нуждался. В случае с драгой автор фокусирует те недостатки, против которых начинают активно выступать и сам Северцев и его единомышленники — в первую очередь директор кварцевого рудника Степанов, человек, кровно болеющий за свое дело, смекалистый и инициативный, всю жизнь отдавший разработкам золотоносных месторождений. Эти герои Г. Лезгинцева — люди высокоразвитого чувства долга, живущие ради дела, которому они служат. Автор подчеркивает их неуспокоенность, постоянное желание быть в гуще событий, позицию не наблюдателя, а активного участника.

Всей логикой повествования утверждает Г. Лезгинцев, что будущее за Северцевым и его соратниками, за теми формами хозяйственного развития, ревностными поборниками которых они выступают в романе.

Н. СИЛИНА

Георгий Лезгинцев. Рудознатцы. М., «Советский писатель», 408 стр.

Е. Ханин (род. 1933). Юные. 1975.

Р. Нурмухаметов (род. 1925). ЗА САМОВАРОМ. 1970.

Под этой рубрикой журнал будет публиковать публицистические статьи, очерки, репортажи о красоте души советских людей, об образе их жизни, о трудовом и нравственном воспитании, о тех, кто помогает формированию нового человека.

ЖЕНА

Римма ЛИХАЧ

«Я, инвалид Великой Отечественной войны первой группы, раненный под Сталинградом и потерявший зрение на Курской дуге, прошу рассказать в «Огоньке» о наших женах, на долю которых досталось столько трудностей. Это они нас спасли. О Нине я могу говорить бесконечно. Она сделала меня человеком, заставила вернуться к жизни, обрести уверенность, научила «смотреть» на все глазами зрячего. Она была со мной ежедневно, ежечасно. Неправильно говоривший, я научился говорить хорошим литературным языком, не понимавший классической музыки, я теперь с удовольствием посещаю симфонические концерты и театры. Не прикасавшийся к пианино, я научился играть. Жена воспитала мой вкус...» Это выдержка из письма в «Огонек» Павла Ивановича Белова.

И вот по заданию редакции я иду к Нине Семеновне Руцкой. Не так-то просто войти в чужой дом и ворошить прошлое, говорить о личном, сокровенном. Каким бы теплым ни было письмо, за ним стоит трагедия.

Дверь открывает приветливая женщина.

— Пожалуйста, проходите. Только Павлика нет дома, он на работе. Будет в два часа.

— А я не к Павлу Ивановичу, я к вам.

— Ко мне?

Она ведет меня в комнату, мы садимся друг против друга. Я достаю письмо...

На некоторое время наступает тишина. Хозяйка, закончив читать, сидит в смятении. Потом тихо произносит:

— Я знаю, как он меня любит. Но при чем же тут редакция, письмо? Мне, право, неловко.

— Вы счастливая!

— Да, конечно,— улыбнулась женщина,— тридцать лет я прожила счастливо. Его любовь меня поднимала, у меня словно крылья выросли!

У собеседницы умные глаза, спокойный взгляд, и говорит она, не рисуясь.

— Я с мужем не просто счастлива — мне с ним интересно! Вот я знаю, каков Павел. А он-то никогда меня не видел...

...1941 год. В небольшое село Державино, Оренбургской области, Нина Семеновна с дочерью и сестрой добрались из Белоруссии к осени. В маленькой школе, где они с сестрой начали работать, всхлипывали на уроках вихрастые пареньки и тихие деревенские девчушки. Дома у них метались матери, обливая слезами похоронки. Тогда Нина Семеновна откладывала программу урока по литературе и читала детям стихи. О родине, о героизме. Или открывала газету, где рассказывалось о подвигах советских солдат.

В кабинете завуча стояло пианино. Как-то они с сестрой вытащили инструмент в спортзал и стали учить детей пению. После уроков ребятня упрашивала учительницу поиграть им. Так зародились концертные вечера. На них потянулись не только ученики, но и взрослые. Зимой, в пургу шли на школьный огонек подчас за много километров. Сестры исполняли классику, песни военных лет, аккомпанировали желающим спеть, подбадривали смущающихся декламаторов. Потом Нина Семеновна объявляла: «А теперь вальс!» Кружились в неуклюжих валенках пары, и щемящая тоска взрослых отступала перед недолгим, чуть грустным весельем.

Вспоминая то время, Нина Семеновна сказала:

— Это, пожалуй, были самые трудные дни в моей жизни.

Было голодно, холодно. Женщины делились с Ниной Семеновной одеждой, продуктами. Ее полюбили за тепло души, тепло, без которого трудно жить человеку. К ней приходили с горем и радостью, читали заветные письма. Письма... Иногда и она получала их от мужа со штемпелем полевой почты. В них не было ни беспокойства о ней и дочери, ни нежного слова. Из последнего письма она узнала, что муж считает себя свободным...

Нина Семеновна переехала в Оренбург и пошла работать заведующей клубом в госпиталь. Часто дежурила в палатах. Хотя единственное, что могла сделать,— это утешить. После тяжелой операции умирал молоденький пулеметчик Вася. Она сидела всю ночь у постели, грела его руки в ладонях и рассказывала сказки. Он слушал, а пальцы рук все холодели и холодели...

Как-то комиссар госпиталя показал ей раненого и попросил:

— Помоги ему, мучительно переживает слепоту.

Нина Семеновна подошла к кровати и погладила забинтованную голову. И вдруг раненый порывисто обнял ее.

— Ничего, ничего,— сказала она.— Будем выкарабкиваться, и все-таки будем жить!

И начала его учить ходить, есть. В госпитале было много слепых. Нина Семеновна разыскала преподавателя, который обучил их азбуке Брайля. Нужны были книги для слепых. И заведующая клубом раздобыла их. Ее подопечный Павел Белов постепенно возвращался к жизни. Но она видела, что и сам он жалеет себя и позволяет другим жалеть. Нина Семеновна восстала против этой жалости. Ей хотелось, чтобы он держался гордо, он же герой войны! Постепенно, исподволь, вскользь брошенным словом Нина Семеновна добилась своего: в нем заговорило чувство собственного достоинства. Она это почувствовала.

Настал день, когда ей сказали: «Через неделю выписываем Белова».

Как же так! Каждый день она приходила в палату и радовалась, что он научился еще чему-то. Он ждал ее. Нина Семеновна вспомнила, как он прижался к ней, такой беспомощный. «Да я же люблю его, господи!»

Но не пойдет же она к нему, не скажет сама об этом... Она только попросила разрешения отвезти его домой.

В Москву приехали морозным зимним днем. Миновали центр, добрались до окраинных маленьких домишек.

— Где мы стоим? — спросил Павел.

Нина Семеновна сказала. И Павел вдруг повел ее.

— Вот тут должна быть тропка, потом забор, у поворота колонка, теперь налево. Осторожно, там пять скользких ступенек, и в сенях всегда темно!

Шла и чувствовала его крепкую руку, уверенный шаг, будто и не слепой он вовсе. За несколько дней в Москве успела сделать многое для Павла — оформить пенсию, договорилась с директором школы, и к раненому фронтовику прикрепили учителей по всем предметам.

Нина укладывала чемоданчик, собираясь в путь-дорогу. Впервые эта женщина растерялась — не знала, как ей поступить. Вот и все, думала, конец! У нее опять госпиталь, а у него начнется своя, новая жизнь. «Значит, я ему не нужна. Значит, не любит!» Скажи Павел хоть слово — все бросит и останется. Но он молчал. Откуда ей знать, что любит ее Павел, любит, но боится стать бременем, обузой. Она уехала...

Павел оказался способным учеником, за год прошел программу трех классов, получил аттестат зрелости. Как раз в это время приехала в Москву Нина Семеновна — и сразу к Павлу. Распахнула дверь: в комнате дым, топится печурка, возле нее стоит Павел и варит себе кашу.

— Павел!

И голос ее дрогнул. Он рванулся, обнял и, задохнувшись: «Не пущу, не пущу! Никуда!»

Она осталась. Навсегда.

Война только что кончилась. Неустроенность быта, маленькая комнатенка. И огромное, захлестывающее счастье! И гнетущий протест родных: «Ты, такая интеллигентная, образованная, а он полуграмотный...»

А у нее словно силы удесятерились. Поступила на работу преподавателем литературы в 63-ю школу рабочей молодежи и каждодневно готовила мужа к экзаменам в университет. И вот он уже студент.

Жизнь постепенно налаживалась. Но в уже установившийся мир Павла моментами врывалась тоска по солнечному свету, голубому небу, белому снегу и жажда увидеть лицо любимой. Это были приступы исступленной ярости. Он метался, мрачнел. А жена молчала, только обнимала и тихо гладила по голове.

Шли месяцы, годы. Павел окончил университет. Теперь они работали вместе, в одной школе. Слепой преподаватель среди зрячих. На его уроках истории интересно. На работу его провожает собака-поводырь Золли, собака на диво умна и способна, знает более пятидесяти маршрутов.

...Мы с хозяйкой пьем чай. Нина Семеновна начинает рассказывать о своих учениках. Она вытаскивает груду поздравительных открыток и писем, которые хранит все годы, как родители хранят письма детей. Перебираю конверты, открытки: «Дорогая...». Позже — «Дорогие». Так начинаются все послания. Как-то пришло приглашение на Ученый совет. Делал свой первый доклад их бывший ученик Олег Иванович Мамаев — доктор наук!

На книжной полке стоят несколько корабликов с алыми парусами. Их дарили, не сговариваясь, в разные годы разные ученики. С одной и той же надписью: «В честь вашей жизни с Павлом Ивановичем».

Летом супруги покидают свою квартиру и путешествуют. Жена — заправский кинохроникер. Зимой на семейные просмотры приходит дочь Нины Семеновны с мужем и детьми. Девочки не очень-то углубляются в родословную и просят дедушку, вырастившего их с пеленок, показать кино. И дед с удовольствием выполняет роль киномеханика.

— Поездки, концерты, театры — это все, разумеется, доступно Павлу,— говорит Нина Семеновна.

Я рассматриваю альбом с фотографиями.

На каждом снимке всегда есть печать времени, отзвук прошедших лет. Вот и эта фотография рассказывает о многом. Сделана она в Волгограде, в 1974 году. Павел Иванович в темных очках, а у Нины Семеновны — седина и морщинки. Но я выбрала именно этот снимок потому, что стоят они, прижавшись плечом друг к другу, как было всю жизнь.

...Стукнула дверь лифта. Вбежала Золли. Из передней донесся голос:

— О, у нас гости?

Это Павел Иванович. Он входит на кухню, целует жену. Хозяин привычно садится за стол.

— Павлик, опять кран в ванной течет.

— Хорошо, хорошо, починю!

Пора уходить. Павел Иванович идет в переднюю и подает мне пальто.

— Я провожу вас, у нас лифт дурит.

— Ну, право, не стоит беспокоиться.

— Не спорьте! — говорит хозяин.

Хочу, чтоб вмешалась жена, но она смотрит на мужа, спокойно улыбаясь.

Павел Иванович открывает дверь, и мы идем к лифту.

ПОДЛИННО НА

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Тамары ХАНУМ

Энергичная, стройная женщина, с красивой головой, великолепными черными глазами и удивительно покоряющей улыбкой — такова народная артистка СССР Тамара Ханум. Женщина, посвятившая всю свою творческую деятельность борьбе за становление и расцвет советского узбекского искусства.

Ханум приступила к обработке традиционного узбекского танца в начале 20-х годов. Она хотела вывести узбекский танец на широкую профессиональную сцену. Артистка с огромным терпением и трудолюбием разучивает новые и новые танцы, вбирает все ценное, яркое, самобытное, обогатив старые движения новыми штрихами, создавая свой исполнительский почерк. Танец для нее стал средством выражения душевного состояния освобожденной от векового рабства женщины-узбечки. В эти же годы Ханум играет в музыкально - драматических

Сальто на „Волге"

Дорога всегда полна неожиданностей.

...Курортный сезон в разгаре. Ровная гладь шоссе в окрестностях моря. Стрелка спидометра такси около отметки «70». То и дело машину обгоняют лихачи. Один за другим мелькают встречные автомобили.

В зеркале заднего вида показывается сверкающий в лучах ослепительного солнца ГАЗ-12. Эти выносливые машины еще встречаются на наших дорогах. Автомобиль быстро приближается, подавая сигнал обгона. Водитель такси принимает чуть вправо, ближе к обочине. А ГАЗ-12 догоняет его. В момент, когда машины поравнялись, водитель такси с ужасом чувствует, что его «Волга» отрывается передними колесами от зем-

РОДНАЯ...

спектаклях, выступает как танцовщица, певица и драматическая актриса в самых различных ролях, вкладывая в каждый образ большой талант и темперамент, всю свою любовь к искусству.

Бесконечные гастроли, участие в различных политических мероприятиях, общественная работа, агитация женщин Средней Азии за новую жизнь, встречи с поэтами, писателями, композиторами, общественными деятелями... «Ханум — поэзия восточных городов»— это было написано рукой Сергея Есенина на фотографии, врученной ей поэтом после одного из концертов, где она и выступала вместе с Маяковским и Есениным.

Уже в предвоенное время Тамара Ханум исполняла песни и танцы почти всех народов Советского Союза. Позже в ее репертуар входят песни народов Востока и Европы. Во время Великой Отечественной войны ансамбль, организованный Тамарой Ханум, с первых же дней был направлен по личной ее инициативе для выступлений в частях Красной Армии на фронте.

«После окончания войны никто из нас не ушел в отставку»,— вспоминает актриса.

Кроме многолетней концертной деятельности, Тамара Ханум неустанно ведет активную общественную работу, она избиралась депутатом Верховного Совета УзССР.

Работая с молодежью, Тамара Ханум не просто учит жесту, мимике — она добивается истины, правды чувств: «Каждое слово, каждое движение артиста должны быть рожденными мыслью и мыслью оправданы. Большое искусство требует разумного анализа, глубоко продуманных решений».

Тамара Ханум принадлежит к числу тех, вокруг кого сразу же возникает особый мир, покоряющий глубокой человечностью, остроумием, любовью к жизни и к людям. Двери дома Тамары Ханум всегда открыты для людей. Здесь можно встретить и ее первых учеников, ныне известных не только в нашей стране, но и за рубежом: народных артисток СССР Мукаррам Тургунбаеву, Галию Измайлову, известных композиторов, архитекторов, журналистов, посланцев фабрик и заводов, студентов и пионеров. И всех она неизменно встречает с такой теплотой и задушевностью, радостью, что, побывав в ее доме, хочется непременно еще и еще увидеть и послушать Тамару Ханум.

В Узбекистане она пользуется исключительным успехом и уважением.

Народ почитает свою любимицу, сделавшую так много для становления искусства и культуры Советского Узбекистана. Имя ее стоит на одной ступени с такими выдающимися узбекскими деятелями, как Хамза, Хамид Алимджан, Ашрафи, посвятившими жизнь своему народу.

С. ЮЛДАШЕВА

ли. Шофер, словно пилот, резко взявший рули управления на себя, взмывает в высоту.

На какие-то доли секунды такси становится вертикально, затем падает крышей на крышу поравнявшегося с ним ГАЗ-12... Много различных столкновений регистрируют работники ГАИ, но случаи, когда два автомобиля сталкиваются крышами, не так уж часты.

Покатая крыша ГАЗ-12 оказалась совсем ненадежной платформой для перевернувшейся вверх колесами «Волги», и она, соскользнув, еще раз перевернулась и встала на колеса у обочины дороги. К счастью, сидевшие в такси люди получили легкие травмы. Что и говорить, мастера фигурного вождения автомобиля и гонок по вертикальной стене могут только позавидовать такому трюку.

Выяснилось, что незадолго до аварии бригада строителей устанавливала мачту линии высоковольтной передачи на этом месте. Мачту поднимали тросами, один из них остался висеть над правой кромкой шоссе в полуметре от бордюрной линии. Стальной трос сливался с асфальтом. Где уж было водителю такси заметить его, когда внимание было сосредоточено на обгонявшем автомобиле. Бампер «Волги» зацепил свисающий трос, он натянулся и поднял переднюю часть машины. И тут «Волга» встала на дыбы.

Виновники этого дорожного происшествия строго наказаны.

Ю. МИХАЙЛОВ

Сцена из спектакля «Испытание» Г. Бокарева. Фото Н. Козловского

театр

ИСПЫТАНИЕ ВЫДЕРЖАНО

Что привлекло Киевский русский драматический театр имени Леси Украинки к новой пьесе Геннадия Бокарева «Испытание»? На первый взгляд казалось, что она еще не была тем законченным произведением драматургии, которое требует от театра лишь чисто сценических свершений.

В данном случае В. И. Ненашев, главный режиссер театра, увидел в пьесе Бокарева зерно настоящего драматизма. И поверил нравственному, гражданственному чувству долга, характеру героев пьесы, стремлению отдать себя, свои человеческие возможности интересному и важному творческому замыслу...

Именно в понимании моральной истинности того нового, что наконец удается создать людям, и возникает ведущая идея спектакля, поставленного театром имени Леси Украинки к XXV съезду партии. Здесь главная причина успеха, одержанного театром.

Вот они — люди, которых нам только еще предстоит узнать, взявшись за руки, выходят в прологе на сцену с задушевной песней, которая звучит столь же поэтично, сколь и неожиданно, потому что мы слышим так называемый верлибр, откровенно «незарифмованные» строфы о дружбе и любви (музыка А. Костина).

Пролог, собственно говоря, вполне мог бы стать и финалом — счастливой концовкой спектакля. Однако же режиссер — вовсе не ради приема — делает явно финальный эпизод запевом, словно меняя местами компоненты, важнейшие для любой постановки. В. Ненашев ищет и очень точно находит необходимую и в данном случае оптимистическую окраску всего того, что потом случится на сцене...

Режиссер не отнимает у нас зрительского интереса к происходящему. Мы чувствуем возвышенный настрой даже самых будничных дел, какими заняты герои. Чувствуем глубокий духовный смысл их отношений — и производственных и личных.

Эти отношения театр сумел объединить сюжетно и, что еще важней, психологически.

Острейшая психологическая стычка возникает сразу вслед за прологом между молодым инженером Дмитрием Юсуповым, которого играет Л. Бакштаев,— изобретателем автоматического управления работой стана холодной прокатки металла,— и рабочей бригадой — опытнейшими, прославленными мастерами этой же самой прокатки.

— Кем же мы-то теперь будем, если твой автомат за нас всю нашу работу будет делать?— размышляют, обращаясь к Юсупову, рабочие Дымшаков — А. Подубинский, Чистохвалов — О. Комаров и Клепинин — Г. Кишко.

И инженер Юсупов, интересно сыгранный Бакштаевым, понимает, что автомат не может быть просто «равен» рабочему человеку, он должен **служить** рабочему человеку.

Настроение рабочего человека, особенно в эпоху НТР, должно оставаться созидающим, творческим. Этот сокровенный смысл пьесы увлек постановочный коллектив. В итоге театр имени Леси Украинки обогатил свой репертуар новым содержательным произведением сцены.

Испытание, которое в пьесе проходит автоматика, изобретенная Димой Юсуповым, молодым советским инженером, нашим современником, оказалось нелегким и для самих героев. Но в эпилоге мы видим их хоть и усталыми, измученными, но бесконечно счастливыми: они сплотились, нравственно окрепли...

Своим новым спектаклем театр имени Леси Украинки сделал еще один серьезный шаг в освоении современной темы.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Лев АЛЕКСАНДРОВ

Так расправляются в ЮАР с противниками апартхейда. Фото из журнала «Джорни».

ТАМ, ГДЕ ПРАВИТ БОСС

По ночам в черно-бархатном небе Южной Африки переливаются миллионы ярких звезд. На земле горят созвездия больших городов. С высоты гостиницы «Президент» в Йоханнесбурге открывается красивый вид на вереницу небоскребов, напоминающий панораму Манхэттена в Нью-Йорке. Сходство усиливается фейерверком многоцветной рекламы иностранных фирм, среди которых преобладают английские и американские.

Йоханнесбург, Дурбан, Кейптаун, Претория и другие города ЮАР изобилуют цветами и указателями. На широких авеню, обсаженных палисандровыми деревьями, пестреют тюльпаны, гибискусы и бугенвиллеи. Рядом на скамейках указатели: «Только для белых» или «Только для небелых». Такие указатели повсюду — в магазинах, гостиницах, на вокзалах. Нет указателей только на автобусах, их различают по цвету. Красные — для европейцев, зеленые — для всех остальных. Это называется апартхейд. Расовая сегрегация возведена в ЮАР в ранг государственной политики, два мира живут здесь раздельной жизнью под запретом взаимных контактов. Коренным жителям страны — африканцам, а также индийцам и метисам оставлено лишь право работать на белых господ.

На улицах южноафриканских городов почти не видно полицейских. Эту особенность обязательно подчеркнет всякий местный гид. Путеводители, издаваемые в ЮАР, утверждают, будто резиденция премьер-министра страны Форстера и многие государственные учреждения Южной Африки практически не охраняются. Но при этом скрывают, что ЮАР занимает первое место в мире по числу свершаемых в год смертных казней. Редактор отдела иностранной информации английской газеты «Таймс» Л. Каминад, побывав недавно в ЮАР и Родезии, заявил, что «дела человеческие на юге Африки покрыты мраком...».

И во мраке этом властвует БОСС...

В Южной Африке два официальных языка — бурский, или африкаанс, сложившийся на основе одного из диалектов голландского языка, и английский. БОСС — это общепринятое сокращение английского названия главной секретной службы ЮАР «...Бюро оф стейтс сикьюрити», что в переводе значит «Управление государственной безопасности». БОСС контролирует и координирует деятельность разведывательных служб полиции, армии, авиации и флота ЮАР и подчиняется непосредственно премьер-министру; это — государство тайной полиции в полицейском государстве.

БОСС молод, ему около семи лет. Южноафриканское ЦРУ было создано в мае 1969 года, когда вал общеафриканского национально-освободительного движения докатился за Замбези, и выстрелы партизан загремели на территории Родезии и Намибии, захваченной и удерживаемой ЮАР вопреки всем решениям Совета Безопасности.

Шефом БОСС является генерал ван ден Берг—человек, симпатизирующий всему нацистскому. В годы второй мировой войны, когда Южная Африка еще была британским доминионом, Черчилль отдал приказ отправить Берга за колючую проволоку. Причиной была кипучая деятельность, развернутая генералом в поддержку «третьего рейха», с которым Южная Африка формально находилась в состоянии войны. С тем же диагнозом — «подготовка переворота, помощь гитлеровской агентуре и подрывная деятельность в пользу держав оси» — за колючую проволоку попал Форстер и многие другие лидеры южноафриканского расизма.

Впрочем, они отбыли заключение в комфортабельных условиях, и длилось оно недолго.

Подлинным хозяином южноафриканского расистского государства является, впрочем, не полицейский генерал. И даже не премьер-министр Форстер. Подлинный хозяин Южной Африки, ее непровозглашенный император — человек, в чей особняк из итальянского мрамора в Кимберли даже Форстер имеет право входить лишь после предварительного согласования.

Гарри Фредерик Оппенгеймер числится чуть ли не в первой десятке самых богатых людей на земле. Сто тридцать фирм, находящихся под его контролем, монополизировали добычу урана, по экспорту которого ЮАР занимает второе место в мире, контролируют около трети добычи золота в капиталистических странах, восемь — десять процентов сбыта алмазов и бриллиантов, значительную часть мировой добычи меди. Филиалы компаний Гарри Фредерика есть в Англии и Австралии, Голландии и Перу, ФРГ и Израиле, Анголе и Мозамбике. «Солнце никогда не заходит над империей Оппенгеймера»,— заявила, не преувеличивая, французская «Орор».

В кабинете «бриллиантового Гарри» висят портреты Муссолини, Ицхака Рабина и адмирала Канариса. Оппенгеймер считает их самыми выдающимися людьми XX века. Портрет Муссолини символи-

зирует врожденное преклонение миллиардеров перед диктаторами. С премьер-министром Израиля Рабином дело обстоит посложней. Гарри Фредерик в какой-то степени его «вассал», ибо имеет сразу два гражданства, два подданства — южноафриканское и израильское. С другой стороны, сам Рабин — вассал Гарри Фредерика, так как Оппенгеймер соперничает с Ротшильдами в финансировании любезного его сионистскому сердцу Израиля. Что же касается адмирала-разведчика, то «комплекс Канариса» (как назвали бы психоаналитики это чувство Гарри Фредерика) отражает восхищение Оппенгеймера перед дальновидностью адмирала, ориентировавшегося на британский капитал с его проверенной столетиями хищной хваткой, а также любовь миллиардера к рыцарям плаща и кинжала.

Парламент ЮАР утвердил бюджет БОСС на 1975 год в сумме 8 миллионов фунтов — таковы официальные данные. По сведениям одного из бывших министров кабинета Форстера, разведка обходится стране по крайней мере в десять раз дороже. Дотацию Бергу выделяет Оппенгеймер. Он любит изречение царя древней Македонии Филиппа, который утверждал, что осел, груженный золотом, способен взять любую крепость...

«Кто платит, тот заказывает музыку». Советы Оппенгеймера генерал Берг исполняет, как повеление господа бога.

По рекомендации своих друзей из Тель-Авива и ЦРУ Оппенгеймер дал указание южноафриканской разведке провести несколько лет назад весьма гнусную акцию. С помощью израильских контрразведчиков из службы «Шабак», которые действуют в ЮАР, как у себя дома, опираясь на одну из крупнейших в мире еврейских общин, был составлен подробный список прогрессивно настроенных африканцев, метисов и белых — граждан Южной Африки. Затем в соответствии с тайным соглашением о взаимной «борьбе с коммунизмом», заключенным между Центральным разведывательным управлением США и полицией ЮАР, этот список был передан для публикации в один из американских журналов, контролируемых ЦРУ. Список был напечатан под красноречивым заголовком: «Коммунисты Южной Африки сплачивают ряды». Охранке Форстера после этого не составило труда упрятать за решетку сотни южноафриканских демократов, выступающих против апартхейда, однако никогда не бывших коммунистами.

...Как-то в Лондон из Йоханнесбурга прибыл веселый, компанейский, любящий пожить на широкую ногу юаровец. На его визитных карточках и почтовых бланках указывалось, что Ганс Ломбард является писателем, журналистом и фотографом. В Лондоне Ломбард старательно искал встреч с противниками колониализма, заявляя, будто уехал из Южной Африки потому, что ненавидел апартхейд. Он регулярно появлялся на приемах, устраиваемых южноафриканскими эмигрантами и представителями африканских государств, аккредитованных в Лондоне, и вскоре стал популярной фигурой среди африканцев. Сочувственным отношением и постоянным вниманием к ним, увлекательными рассказами о своих многочисленных путешествиях Ломбард производил приятное впечатление.

Гость из ЮАР вызвался сотрудничать с южноафриканской организацией Африканский национальный конгресс (АНК). В 1968 году он познакомился с членами подпольных групп этой партии, побывал в тайных складах оружия и (как значилось в докладе Ломбарда) «изучил береговую линию для выяснения возможностей безопасной разгрузки судов, доставляющих оружие на континент».

Вернувшись, Ломбард не встретил никаких преград со стороны южноафриканской службы безопасности, а его спутник африканец Мгайу был арестован и посажен в тюрьму. Однако произошло это уже после того, как Мгайу выдал Ломбарду рекомендательное письмо, призывающее членов АНК сотрудничать «с этим парнем»...

Провокатор продолжал разъезжать по белу свету. Он присутствовал на конференции Организации солидарности народов Азии и Африки в Моши (Танзания). Затем прибыл в Дар-эс-Салам, где познакомился с лидерами АНК и устроил вечер для африканских активистов освободительного движения. Он убедил двух представителей АНК отправить руководству конгресса совместное письмо с призывом «начать выступление» в Южной Африке, ибо «без активных действий трудно изыскивать за границей необходимые денежные средства».

Судя по переписке Ломбарда с активистами АНК, он предпринял несколько кругосветных поездок, которые заканчивались, как правило, в Лондоне, где этот предатель продолжал поддерживать широкие контакты с африканцами прямо в своей лондонской квартире.

Излюбленным методом южноафриканских воспитанников «Интеллидженс сервис» является внедрение агентуры в различные отряды южноафриканского национально-освободительного движения. «Нашим людям,— хвастливо заявил корреспонденту газеты «Санди телеграф» в Йоханнесбурге один из руководящих сотрудников БОСС,— удавалось проникать в ряды любой организации, если она имела хоть какое-нибудь отношение к Африке. Некоторые из них занимали в этих организациях высокие посты»...

...Статный зулу Герхард Луди любил поговорить о героической истории своих предков в Южной Африке. Он приезжал на фестивали молодежи в Хельсинки и Москве. Герхарда Луди не надо было просить рассказывать о героической борьбе угнетенных народов Южной Африки против кровавой диктатуры кучки белого меньшинства.

Однако он категорически отказывался фотографироваться, объясняя, что прибыл через Лондон нелегально и не желает оказаться в досье управления государственной безопасности ЮАР. Действительно, для Луди появление еще одной его фотографии в картотеке БОСС стало бы, конечно, роскошью: он и так был представлен там достаточно полно как агент ван ден Берга «Z-12»... Именно он, Луди, собрал основную часть информации, которая позволила южноафриканской охранке арестовать Нельсона Манделу, Брама Фишера и многих других борцов с апартхейдом в ЮАР.

Как отмечал председатель Южноафриканской компартии Дж. Маркс, «неонацистское правительство ЮАР обрушило жестокие репрессии на патриотов-революционеров. По новым законам, предоставившим неограниченную власть террористическому специальному отделению полиции, а впоследствии его преемнику — Бюро государственной безопасности, были арестованы десятки тысяч людей. Руководители и рядовые члены Африканского национального конгресса, конгресса профсоюзов и коммунистической партии были арестованы, заключены без суда в тюрьмы, подвергнуты жестоким пыткам. Некоторые из лучших и мужественных сынов и дочерей Южной Африки были тайно убиты в полицейских застенках или казнены».

Ведомство Берга нацелено не только против внутренних врагов неофашистского порядка расовой сегрегации, установленного властями Претории. Важнейшей своей задачей в настоящее время южноафриканские расисты считают подрывные действия против независимых африканских государств, опасаясь, как бы вал всеафриканской освободительной революции не захлестнул последние бастионы империализма в Африке. Агенты БОСС все чаще пересекают границы ЮАР.

При управлении государственной безопасности ЮАР создано специальное отделение для шпионажа и диверсий против независимой Африки, которое широко использует различные технические средства, в частности самолеты-разведчики.

Партнером южноафриканской разведки в борьбе против Африки является также ЦРУ США.

Герман Хортон, руководитель оперативной группы Пентагона в прошлом, обеспечивал в ЮАР организацию агентуры ЦРУ среди местного населения англо-бурского происхождения. Он же поддерживал контакты с такими архиреакционными организациями южноафриканских расистов, как «Серые рубашки» и «Брудербонд», а также с руководством националистической партии. Через Хортона направлялись ассигнования для «благожелательной ориентации» ряда южноафриканских газет, например, «Трансвалер» и «Фадерланд».

Петер Хупер свободно говорит по-немецки; он прошел службу в Западном Берлине и во Франкфурте-на-Майне. В ЮАР же «работает» с бывшими гестаповцами, эсэсовцами и военными преступниками, бежавшими в свое время в Южную Африку.

Имеются данные, что ЦРУ стоит за спиной особо секретной подрывной организации, штаб-квартира которой находится в Претории. Эта организация ведет слежку за прогрессивными африканскими деятелями в различных странах континента и занимается их похищением или убийством. В прошлом она действовала зачастую совместно с португальской тайной полицией ПИДЕ. Так, в частности, был убит в Дар-эс-Саламе председатель Фронта освобождения Мозамбика Э. Мондлане.

ЦРУ использует ЮАР (не без ведома, конечно, ван ден Берга) и для поддержки расистов Родезии через так называемую Ассоциацию друзей Родезии. На счет этой ассоциации в один из банков ЮАР переводятся суммы, получателем которых указывается глава торговой миссии Родезии в Претории. Деньги предназначаются для закупки режимом Смита вооружения и оплаты португальских и западногерманских инструкторов, готовящих родезийские специальные подразделения в одном из военных училищ ЮАР.

У генерала ван ден Берга есть свои привязанности и свои принципы. Генерал считает, что образцом для подражания является английская разведка «Сикрет интеллидженс сервис» (Си-Ай-Си). Она работает гораздо тоньше, чем американское ЦРУ.

Генерала ван ден Берга лентяем не назовешь. Несмотря на почтенные годы, он легок на подъем и нередко вылетает в Лондон для руководства на месте деятельностью агентов БОСС, которые с ведома и при поддержке Си-Ай-Си ведут в Англии слежку за борцами с апартхейдом и антирасистскими общественными организациями.

В 1972 году сотрудники лондонского еженедельника «Обсервер» провели расследование деятельности агентуры ван ден Берга в Великобритании и пришли к выводу: английская служба безопасности осведомлена о деятельности охранки ЮАР на территории Великобритании. Более того, есть все основания полагать, что агентам БОСС в их работе помогают английские коллеги и что они обмениваются между собой интересующей их информацией.

«Обсервер» отмечает, что штаб-квартирой боссовской агентуры в Лондоне является Дом Южной Африки — резиденция посла ЮАР в Великобритании. По данным еженедельника, из 34 сотрудников посольства ЮАР в Лондоне до 10 дипломатов — опытные сотрудники БОСС, а руководят ими первые секретари посольства Д. Сварт и А. Приз.

Шпионская сеть ЮАР в Англии состоит из четырех замкнутых групп, в которых каждый агент знает только своего руководителя, являющегося членом вышестоящего звена. Связь с постоянными сотрудниками БОСС в Великобритании осуществляется через законспирированного резидента, который направляет действия своих агентов, в свою очередь, ответственных за вербовку осведомителей среди членов организаций, выступающих против политики апартхейда в ЮАР.

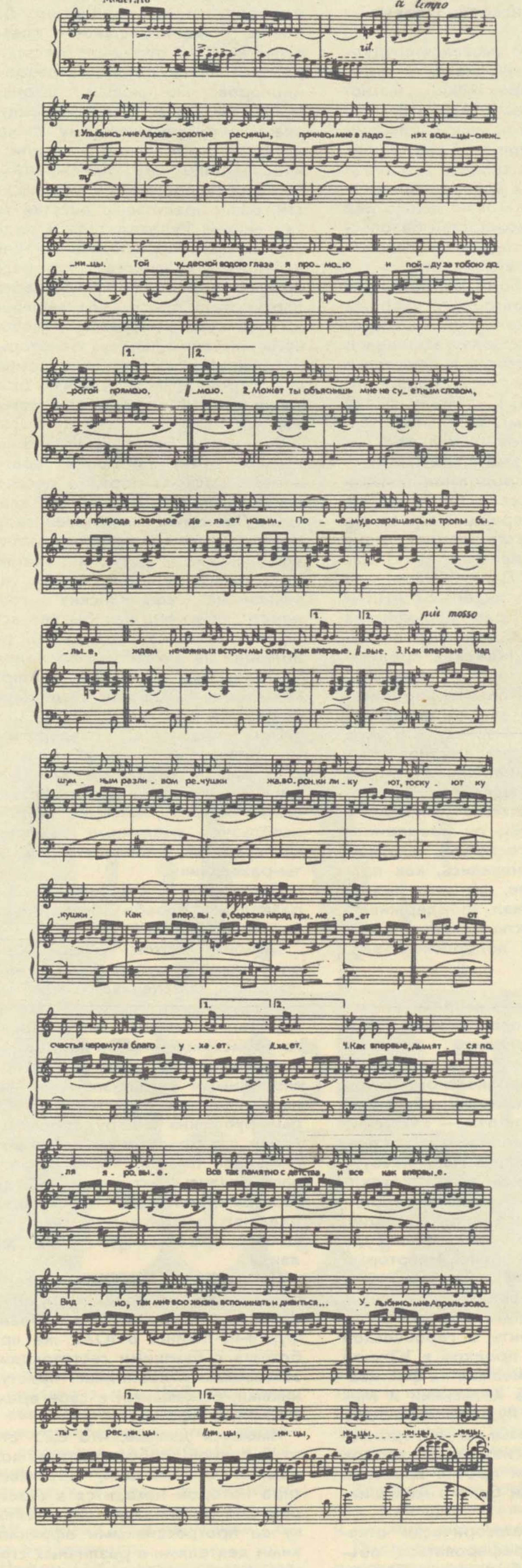
Люди БОСС следят не только за политическими и общественными организациями, но и за некоторыми фирмами. Под наблюдением разведки ЮАР в настоящее время находятся 315 различных предприятий в Великобритании, владельцы которых высказываются против нынешних режимов в Южно-Африканской Республике и Родезии.

* * *

В современных условиях прямое вооруженное вмешательство колонизаторов с целью подавления национально - освободительного движения в развивающихся странах обычно оказывается безрезультатным. Поэтому империалистические державы, проводящие неоколониалистскую политику, вынуждены менять тактику. С пути вооруженного разбоя и агрессии они все чаще сворачивают на тропу тайной войны.

УЛЫБНИСЬ МНЕ, АПРЕЛЬ

Стихи
Н. РЫЛЕНКОВА
Музыка
Н. ПИСАРЕНКО

Улыбнись мне, апрель —
Золотые ресницы,
Принеси мне в ладонях
Водицы-снежницы.
Той чудесной водою
Глаза я промою
И пойду за тобою
Дорогой прямою.

Может, ты объяснишь
Мне несуетным словом,
Как природа извечное
Делает новым.
Почему, возвращаясь
На тропы былые,
Ждем нечаянных встреч
Мы опять, как впервые.

Как впервые, над шумным
Разливом речушки
Жаворонки ликуют,
Тоскуют кукушки.
Как впервые, березка
Наряд примеряет
И от счастья черемуха
Благоухает.

Как впервые, дымятся
Поля яровые.
Все так памятно с детства,
И все как впервые.
Видно, так мне всю жизнь
Вспоминать и дивиться...
Улыбнись мне, апрель —
Золотые ресницы.

Мкртич **КОРЮН**

Басни

ПОСЛУШНЫЙ СЫН

Отец призвал родное чадо:
— Письмо в почтовый ящик брось!
А сын: — Исполню все, как надо.
Посланье срочное, небось...
— Так бросил?
— Бросил, правда ваша.
Но не дойдет скорей всего.
Не обозначили, папаша,
Кому письмо и от кого.
— Принес назад бы, в самом деле.
— Так вы же бросить мне велели...

НАСМЕШНИК

Возле Орешника Гриб красовался
И над соседом своим насмехался:
— Производительность ваша низка.
Сам великан, а плоды — мелюзга.
Да на таком бы должны исполине,
Кажется, зреть полновесные дыни...
Тут юмористу Грибу как на грех
Прямо на шляпку свалился орех.
— Вай! Уронили вы тяжесть какую! —
Дереву Гриб закричал, паникуя.—
Шутки свои забираю назад.
Счастье еще, что не дыни висят...

СОСЕДУШКА

— Ох, Маро, беда со стенкой,
Хуже хилого плетня:
Даже шепотом вы скажете,
Все-то слышно у меня...
— Знаешь, ты на стену смежную
Поплотней повесь ковер.
— Ну, а как я в этом случае
Ваш услышу разговор?!

КУРИЦА И ПЧЕЛА

Нечаянно в бурьяне, где забор,
Снесла яйцо Хохлатка.
И раскудахталась на весь на птичий двор:
— Глядите, ко-какая яйцекладка!
По-ко-казатели какие я дала!
Пускай успех мой отразит газета!..
— Уймись-ка, «труженица», — молвила на это Пчела. —
Себя вести бы надо поскромней,
Для славы оснований маловато:
Ну, налицо — яйцо
(Единственное, кстати, за семь дней),
А мы сбираем мед с рассвета до заката.

СЕКРЕТ КРАСОТЫ

В пору жатвы нерадивый Пахарь
Углядел соседского коня:
— Ну, красавец! —
Громко он заахал.
— Добрый конь. Не то, что у меня.
Сила, стать!.. Бывает же удача.
Одному — скакун, как погляжу,
А другому достается кляча...

В чем секрет, ума не приложу?!
— Оттого красива лошадь в поле,—
Отвечал с усмешкою сосед,—
Что ее хозяин держит в холе,
Не жалеет ласки, кормит вволю...
Если понял — пламенный привет!

В ЧУЖОМ КРЕСЛЕ

Павлину, посчитав заслугой хвост,
Доверили Орла высокий пост.
А присмотрелись — нет,
И в должности орлиной
Орлами не становятся Павлины.

ПЕЧАЛЬ ВЕРБЛЮДА

Слыхал я: однажды
В страду обмолота
Беспечный Осел
Провалился в болото.
И, глядя на это,
Белее, чем мел,
Рыданий Верблюд
Удержать не сумел.
— Дружок, по какой же
Ты плачешь причине? —
спросили Верблюда. —
Не ты же в трясине?!
Но всхлипнул Верблюд,
Огорченный вдвойне:
— Завяз-то Осел,
А вытаскивать мне...

Перевел с армянского
Борис ГАЙКОВИЧ.

КРОССВОРД

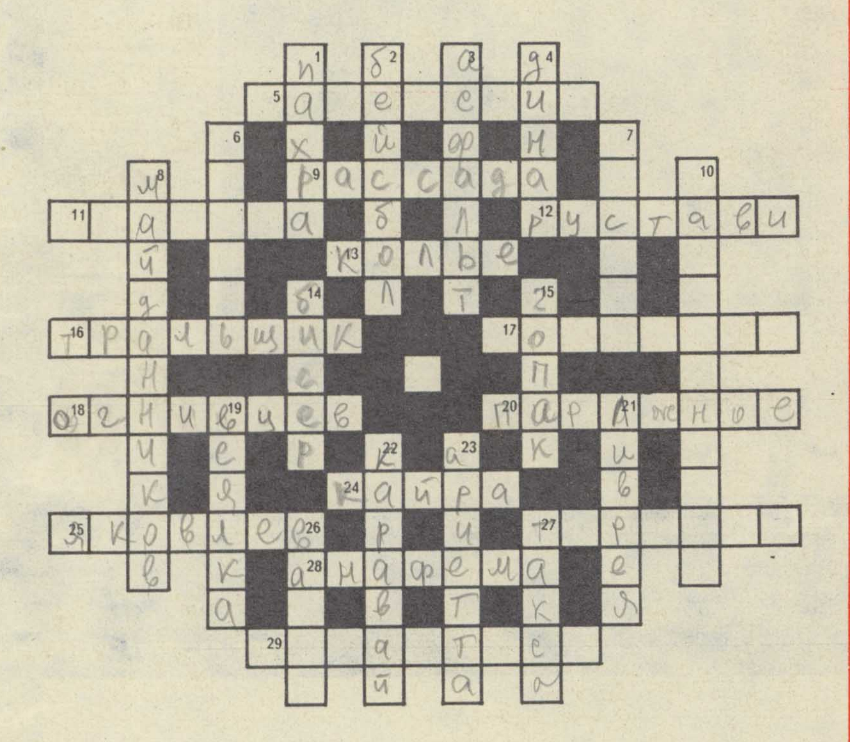
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Русский писатель. 9. Растение, выращиваемое для пересадки. 11. Духовой инструмент. 12. Город в Грузии. 13. Ожерелье. 16. Военный корабль. 17. Металл. 18. Солист Большого театра. 20. Кондитерское изделие. 24. Морская полярная птица. 25. Советский авиаконструктор. 27. Действующее лицо оперы М. И. Глинки. 28. Рассказ А. И. Куприна. 29. Часть педагогики.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Река в Московской области. 2. Спортивная игра. 3. Материал для строительства дорог. 4. Денежная единица Югославии. 6. Ритмическая фигура в музыке. 7. Промысловая рыба. 8. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 10. Наука, изучающая древние рукописи. 14. Стеклянные цветные шарики. 15. Украинский народный танец. 19. Сельскохозяйственная машина. 21. Форменная одежда. 22. Круглый хлеб. 23. Небольшое сольное произведение. 26. Азербайджанский поэт XVIII века. 27. Порода собак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 7. Степанова. 8. Анемометр. 9. «Мещане». 10. Азимут. 11. Редуктор. 14. Кефир. 16. Камин. 17. Галера. 18. Того. 19. Енот. 21. Физика. 23. Буран. 25. Адуев. 27. Трафарет. 29. Папаха. 30. Онегин. 31. Древесина. 32. Числитель.

По вертикали: 1. Алазани. 2. Хроника. 3. Перепел. 4. Колер. 5. Легар. 6. Везувий. 12. Диатоника. 13. Терренкур. 15. Рентген. 16. «Контора». 20. Бумазея. 22. Перигей. 24. Анапест. 26. Дрезина. 27. Тацит. 28. Томск.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. Рисунок Б. Лебедева.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва, Ленинские горы. Фото В. Матвеева (На фотоконкурс)

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/III — 1976 г. А 00650. Подп. к печ. 13/IV — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 754. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 1970.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Дом-музей А. И. Герцена в Москве.

РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

В ЭТОМ ДОМЕ
В 1843—1846 ГГ. ЖИЛ
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
ГЕРЦЕН

В. ЕНИШЕРЛОВ

Фото М. САВИНА

В 1843 году жена А. И. Герцена Наталья Александровна писала знакомым во Владимир: «Все искали квартиру, бедный Александр с утра до вечера суетился и ничего не мог сделать, и мы принуждены были поселиться в том маленьком доме, в котором вы у нас были». По имени бывшего владельца назывался он «тучковским» домом. В нем прошла самая «возмужалая и деятельная полоса» жизни Герцена в Москве.

...Один из старых московских переулков близ Арбата — Сивцев Вражек. Вот он, тот самый маленький особняк. Мезонин в три окна, незатейливые украшения на фасаде. Александр Иванович прожил здесь неполных три года, продолжал начатый еще в новгородской ссылке дневник, работал над «Письмами об изучении природы», создал роман «Кто виноват?», повести «Сорока-воровка», «Доктор Крупов». Сюда приходили В. Г. Белинский, М. С. Щепкин, Т. Н. Грановский, В. П. Боткин, Е. Ф. Корш, Н. Х. Кетчер. В «Былом и думах» Герцен вспоминал: «Наш небольшой кружок собирался... всего чаще у меня... каждый передавал прочтенное и узнанное, споры обобщали взгляд, и выработанное каждым делалось достоянием всех».

Сегодня мы можем войти в этот дом, ставший первым в нашей стране мемориалом великого русского писателя-демократа. Музей открылся в день рождения писателя. Об огромном вкладе А. И. Герцена в русское и мировое революционное движение, в развитие литературы и философии говорили на церемонии открытия министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев, академик М. В. Нечкина, Герой Социалистического Труда В. В. Ермилов, секретарь правления Союза писателей СССР, член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко. Создание этого музея — дань глубокого уважения нашего народа человеку, который, как писал В. И. Ленин, «первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*».

Открытие музея.

В бережно отреставрированных залах знакомятся посетители с подлинными вещами писателя, его портретами и портретами близких ему людей, книгами, письмами, фотографиями. Некоторые из реликвий передали музею потомки Александра Ивановича, живущие в нашей стране, Франции и Швейцарии.

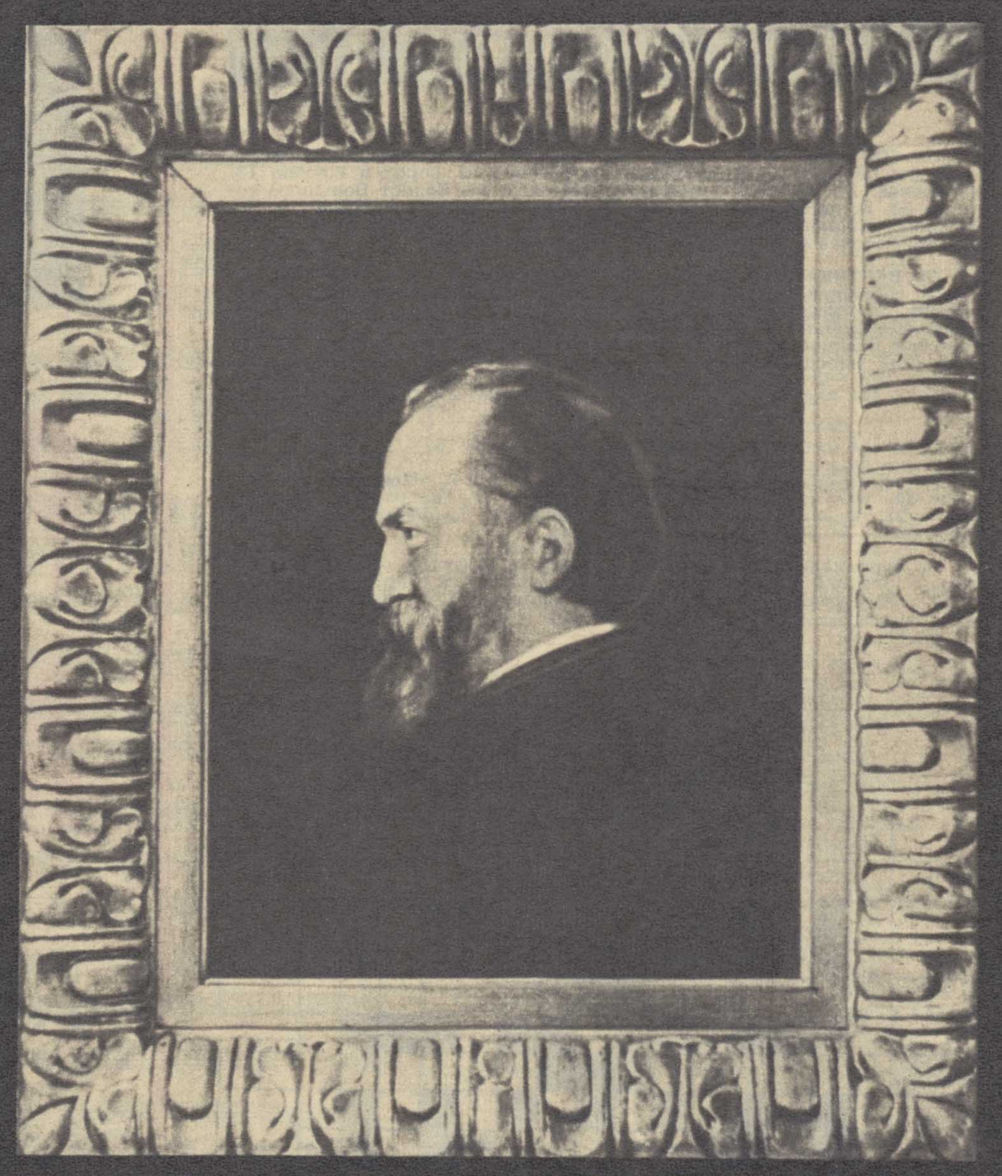
Много труда, вкуса, выдумки вложили в организацию экспозиции сотрудники Государственного литературного музея, чьим филиалом стал «Дом Герцена». Его заведующая кандидат исторических наук Ирина Александровна Желвакова говорит, что создатели музея стремились как можно шире отразить в экспонатах жизнь и деятельность А. И. Герцена.

Многих помнят эти стены. Вот портрет выдающегося историка, члена кружка Герцена — Огарева, профессора Московского университета Т. Н. Грановского. В музее хранятся зарисовки университетской аудитории, слушающей вдохновенного Грановского, и подлинная запись его лекций. Сам ученый не только часто бывал на Сивцевом Вражке, но даже читал здесь лекцию по истории для близких и друзей Герцена.

В другом зале — издания «Вольной русской типографии», основанной Герценом в Лондоне. Первые листовки, сборники «Полярная звезда» с запрещенными в России произведениями Пушкина, Рылеева, Лермонтова, первые листы «Колокола». Не могут не привлечь внимания автографы на книгах, выставленных здесь. На экземпляре диссертации Н. Г. Чернышевского надпись: «Александру Ивановичу Герцену с благодарностью подносит автор», а на сборнике статей Искандера и Н. Огарева «За пять лет» автограф Герцена декабристу Н. И. Тургеневу: «Николаю Ивановичу Тургеневу в знак глубокого уважения от издателей Колокола. 20 мая 1860 года Лондон».

Вещи имеют свою судьбу, свою историю. Принадлежавшие когда-то одному человеку, были они развеяны по свету, а теперь, собранные в результате настойчивых, долгих поисков, вновь объединились в старом особняке, чтобы люди новой эпохи, зайдя в него, почувствовали атмосферу далеких 40-х годов прошлого века. И дорожный сундук Герцена, и прекрасные канделябры, которые приобрел он специально для встречи П. Я. Чаадаева, и скульптурная группа «Поль и Виргиния», и тонкие миниатюры, и, конечно, книги. Они занимают особое место в «Доме Герцена». Исчерпывающе подобраны произведения самого писателя. Герцен — художник слова и публицист — представлен множеством изданий, среди которых есть истинные раритеты. А по соседству произведения друзей и единомышленников Александра Ивановича, книги, составлявшие некогда его круг чтения.

...Не спешите в этих залах. Вслушайтесь в перезвон старинных часов, внимательно всмотритесь в гравюры и дагерротипы, вчитайтесь в строки, написанные рукой Герцена. И станет понятнее его жизнь, и станут еще ближе творчество и деятельность писателя — революционного демократа.

Портрет А. И. Герцена, выполненный его дочерью Натальей Александровной.

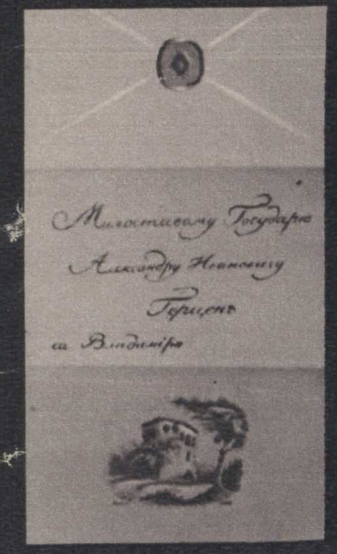
Правнуки писателя, Наталья Петровна Герцен и Леонард Карлович Рист.

Один из залов музея.

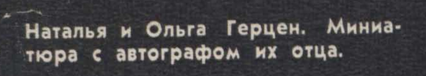

Скульптурная группа, принадлежавшая писателю.

«Вышитая портфель». Ее подарили Герцену в годы ссылки.

Наталья и Ольга Герцен. Миниатюра с автографом их отца.

Секретер с вещами, которыми пользовался Александр Иванович.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663